

Сборник научно-фантастических
рассказов лауреатов литературных конкурсов

ЭВОЛЮЦИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Артем Бук

Эволюция человечества

«Издательские решения»

Бук А.

Эволюция человечества / А. Бук — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-963251-7

Как будет развиваться человек? Приобретем ли мы сверхспособности, достигнем ли бессмертия, деградируем ли? Шестнадцать современных писателей-фантастов поделятся своим видением того, куда движется цивилизация. В сборнике представлены лучшие работы, участвовавшие в проведенном в 2018 году конкурсе рассказов «Эволюция человечества».

ISBN 978-5-44-963251-7

© Бук А.

© Издательские решения

Содержание

Я иду к тебе	6
Паучара	16
Человек по подписке	25
Мысли и чувства на Земле и в космосе	34
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Эволюция человечества

Редактор Артем Бук

Дизайнер обложки Ольга Харитонова

© Ольга Харитонова, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4496-3251-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Я иду к тебе Павел Соловьев

Вечер накрыл пыльный купол Евротауна невидимым крылом. Свет звёзд пробивался сквозь серое небо, превращаясь в тусклое сияние. Прохладный искусственный ветер шевелил брошенную одежду, обрывки старых газет, втоптанные в высохшую землю, шуршал раздавленными картонными коробками. Они замерли причудливой грудой у самого края купола, спрессованные на высоком обрыве, под которым лежал мерцающий город. Ржавый джип пустыми глазами смотрел на белёсую кирпичную кладку, раздробленную взрывом и забвением. Жухлые травинки шевелились, подобно червям, вылезшим из могилы, словно пытались утащить в мёртвую землю последние искры надежды.

Хамел Гримаски провёл узловатым пальцем по стенке купола и написал букву «Л», завершив формулу любви. Потом наклонился к девушке и сфокусировал все четыре глаза на её лице, придав телу палевый оттенок:

- Невери, я с ума сойду, пока дождусь нашей встречи на Красной Таре!
- Грими, нужно немного потерпеть. Зато потом время ничего не будет значить!

Невери тоже наклонилась, и её длинный раздвоенный язык быстро пробежал по лицу Хамела, оставляя влажные дорожки на его веках и губах. Он смутился, тело пошло карминовыми пятнами, глаза заметались по сторонам. Хамел суетливо расправил нашивку с буквой «А» на силиконовом комбинезоне девушки и нервно откашлялся.

– Милый, хватит смущаться, – заплывшие жиром глаза Невери превратились в маленькие щёлки. – Мы же с тобой знакомы с детства, а ты до сих пор...

– Я не смущаюсь, – ответил Хамел, и его обширное тело приобрело привычный землисто-серый оттенок. – Я... буду скучать, Невери.

– Глупенький, – ласково прошептала Невери. Запястье её вздутой руки вдруг завибрировало. – Ой! Мне пора на службу! – спохватилась она, выключая будильник.

– Я отвезу тебя, пожалуй.

Гримаски встал, включил электрокресло, на котором бесформенной кучей сидела Невери, поднялся на подножку и вырулил на дорогу, петлявшую между брошенных машин, коробок и гор старого тряпья. Невери благодарно улыбнулась:

– Ты мой герой!

Гримаски усмехнулся и засветился зелёным. Потом повернул гашетку, и они, набирая скорость, заскользили в полуметре от поверхности дороги. «Надеюсь, я сам не опоздаю на службу», – думал Гримаски, ловко лавируя между мусорными кучами. Он направлялся в Евротаун, переливающийся мириадами огней и дающий крышу – точнее, купол – таким же, как он, живущим теперь только одной мыслью: как можно скорее попасть на Красную Тару и остаться там навсегда.

К Дата-центру «16-БИС» стекались тоненькие ручейки сотрудников, спешивших на смену. Перед Гримаски маячили разноцветные коллеги по службе с такими же, как у него, нашивками «М» на всю спину. Сменщики смешно загребали мохнатыми лапами и деловито озирались по сторонам двойными парами выпуклых глаз. Особняком держалась элита дата-центра: их паукообразные тела с разнокалиберным количеством щупалец быстро двигались по лестнице ко входу с литерами «СА»: здесь пропускали только системных администраторов.

С некоторыми из них Гримаски был знаком. Вот и сейчас один жирный паук замедлил движение перед турникетом, взмахнул длинным щупальцем и отсалютовал Гримаски: в воздухе отчётливо послышался стрёкот многочисленных присосок. Хамел кивнул и поднял все четыре руки в приветственном жесте. Это был Окто, ведущий сисад ночной смены, не раз выручавший Гримаски из передряг, особенно на первом году его службы.

Даже если полумёртв —
Покупайте «Полиморф»!

За спиной заверещало, и на крыше здания яркой радугой вспыхнули неоновые буквы. Гримаски вздрогнул. Он так и не смог привыкнуть к грохочущей рекламе Полиморфа, хотя сам пользовался им с восьми лет, после первой операции по трансплантации. Первый раз таблетки подарил отец на день рожденья Гримаски: благодаря им он быстро развил способности к мимикрии. А на хамелеоновские глаза и ласты он потом заработал уже сам.

Быстро сняв с себя одежду и сунув её в индивидуальный ящик, Гримаски подхватил веник, щётки, совок и положил в уборочную машину, которая уже гудела, встав на рабочий режим. Привычно окрасившись в цвет серых стен Дата-центра и слившись с ночной сменой сотрудников, Гримаски выкатился из подсобки с надписью «Мусорщики» в длинный коридор. Впереди было двенадцать часов рутины, которая на полсуток приблизит его к заветной цели.

– Здаова, доужище! – пробулькал Окто, молниеносно перебирая щупальцами по бесконечным рядам кнопок на серверах.

– Привет, друг! – улыбнулся Гримаски, вкатываясь в зал.

Хранилища информации поднимались на стеллажах под самый потолок, и их стройные ряды терялись в полумраке компьютерного зала, уходящего в бесконечность. Гримаски ловко затолкал мохнатой ластой обёртку из-под орехового батончика в раструб мусоросборника. Окто обожал арахис в любом виде и, как все сисады, не обращал внимания на чистоту и порядок во время работы.

За любой сбой полагался вычет отработанных дней, а если это приводило к утрате информации – сисадам отрубали щупальца самым кошунственным способом: публично и топором. Стоило ли в таких условиях следить за мелочами? Тем более, рядом всегда есть мусорщики.

– Сколько тебе осталось, друг? – Гримаски задал привычный вопрос, прекрасно зная на него ответ: они виделись с Окто каждый день.

– Семнадцать лет, пять месяцев и восемь дней, – выпалил сисад, ни на минуту не отвлекаясь от датчиков базы данных. – Сущие пустяки.

Гримаски для попадания на Красную Тару требовалось намного больше. Его статус не позволял быстро набрать необходимые кредиты. Безусловно, Полиморф помогал их зарабатывать, и новые выращенные способности сократили время ожидания с восьмидесяти до пятидесяти лет, но всё равно: разлука с Невери неизбежна.

Его девушка работала Анализатором на фабрике пищи. В её обязанности входило нюхать и дегустировать продукты перед отправкой в едальни и выбраковывать некачественный товар. Регулярный бракераж раздувал тела Анализаторов куда сильнее, чем повальное потребление фаст-фуда жителями куполов, однако никто не обращал на это внимания. Все жили мыслями о Красной Таре.

– Ты не забыл мою просьбу, друг? – спросил Гримаски.

Он на автомате чистил, протирал, подметал, убирал, стараясь не мешать Окто и не попадаться лишний раз на глаза, несмотря на мимикрию.

– Я буду показывать тебе Неvei каждый аз, когда ты попоосишь меня об этом, – прокартавил Окто, бегая по стеллажу на паучьих лапах, и для убедительности кивнул.

Гримаски расплылся в улыбке, отчего голова его распалась почти надвое, и он стал похож на квакшу. У всех жителей куполов были широкие рты: так удобнее было заглатывать бесплатный фаст-фуд, который выдавали на каждом углу.

– Спасибо, Окто, ты настоящий друг! – Гримаски осторожно коснулся суставчатой лапы Окто, но тот брезгливо поджал её под себя. – Ну, не буду тебе мешать! – поспешно добавил он. – Мне ещё нужно убрать в Спецприёмнике. Когда-нибудь и я...

Гримаски не договорил и выехал из цифрового зала, по-ковбойски оседлав уборочную машину. Ходить на ногах-ластах было неудобно, зато после тебя всегда оставался чистый коридор. Гримаски даже освоил специальную шаркающую походку, подглядев её у старых мусорщиков.

– Ты помнишь номер дата-центра, в котором я служу?

– Ты меня уже сто раз спрашивал об этом! – Невери обиженно надула губы и отвернулась, обдав Гримаски ароматом кунжутного семени и соуса «Терияки».

Они сидели на любимом месте: старой заброшенной свалке у южного свода купола. Отсюда открывался волшебный вид на вечерний Евротаун. Внизу кентавры загоняли стадо коров с чахлых пастбищ обратно в хлев. Гримаски в детстве тоже мечтал нарастить себе копыта, так как загонщики перебирались на Красную Тару значительно раньше: через каких-нибудь двадцать лет. Но оплатить трансплантацию семья Гримаски была не в состоянии, поэтому Хамелу досталась работа мусорщика. В общем-то, он к ней уже привык.

– Просто я хочу, чтобы ты не потерялась, когда мы... расстанемся.

– Пятнад... «шестнадцать-бис»! – не поворачиваясь, буркнула Невери.

– Видишь! – неопределённо воскликнул Гримаски и коснулся девушки четырьмя руками. – Я умру тут без тебя.

Невери быстро повернулась и тревожно взглянула на любимого. Потом сунула язык ему в рот и замерла, прикрыв маленькие глазки. Хамел обнял девушку, насколько смог дотянуться, и улыбнулся уголками рта. Шерсть на ластах встала дыбом: ему было приятно.

– Нет никаких симптомов для этого, – деловито сказала Невери, убрав язык. – Все жизненные показатели в норме... и хватит меня тискать! Я потею от твоих объятий.

– Но, милая, сегодня же последний наш день! – взволнованно ответил Хамел, нехотя выпуская Невери из рук.

– Пожалуйста, дотерпи до Красной Тары, – девушка сложила руки Хамела на его коленях. – Посмотри на моё тело: ты даже не найдёшь... – она с отвращением окинула себя взглядом.

Гримаски пошёл карминовыми пятнами. Он робко погладил толстый живот Невери, обтянутый фиолетовым комбинезоном, и прошептал:

– Обязательно дождись меня... там, на Красной Таре.

– Ты же знаешь, что оттуда я никуда не денусь, – Невери нежно провела языком по векам Хамела и быстро спрятала его обратно. – Мы сольёмся в неге сразу же, как ты получишь доступ на Красную Тару. Я обещаю.

– Пятьдесят лет... пятьдесят грёбанных лет! – патетически воскликнул Хамел и воздел руки к небу.

– Время – ничто, любовь – вечна! – откликнулась Невери и тут же скривилась: у обоих получилось фальшиво. – Отвези меня домой, милый. Я должна обнять родителей, – быстро добавила она.

Вытирая слёзы, Хамел крутанул гашетку, и они взмыли над дорогой выше положенного. Кресло трянуло, и Хамел поспешно выравнивал курс.

– Я приду к тебе, – прошептал Гримаски и повёз любимую в последний путь.

Хамел, сидя на уборочной машине, нёсся по коридору Дата-центра на всех парах. Сегодня очередной сеанс связи с Невери, а он уже опаздывал на четыре минуты. Гримаски влетел в цифровой зал и пробежался взглядом по многочисленным мониторам, висящим на стене. Потом вскинул голову. Окто висел под потолком вниз головой и ковырялся в чёрном ящике, от которого шёл подозрительный запах. Хамел потянул носом: пахло палёным.

– Эй, друг! – Гримаски никак не мог унять волнение, которое поднималось снизу холодной волной. – Где Невери? С ней всё в порядке?

– Я здесь, – раздался мелодичный голос, и Гримаски растаял в улыбке.

Он неуклюже прошлёпал к дальнему экрану и слезящимися глазами уставился на любимую. В мерцании разноцветных искр стояла Невери. На этот раз девушка была нагой, и Гримаски млел, глядя на дивные изгибы её стройного тела.

– Любимая, – Гримаски смахнул непрошенную слезу.

– Я ненадолго, – Невери покосилась куда-то вбок за пределы экрана. – Тем более, что ты опоздал, и меня уже ждут.

– Я так хотел тебя увидеть... а кто ждёт?

– Так... один знакомый. Ну, всё. Пока, Грими.

– Уже? Так быстро?! А как же... – Гримаски растерянно посмотрел на Окто, спускавшегося сверху с горелой серверной коробкой в щупальцах. – Значит, до завтра, Невери? Я не опоздаю, обещаю!

– Да, до завтра, – рассеянно ответила Невери и шагнула из поля видимости, утащив за собой сноп разноцветных искр.

– Пока, – тихо сказал Гримаски в пустоту экрана.

Невери не пришла в назначенное время, ни завтра, ни послезавтра, ни через три дня. Через неделю она появилась ненадолго, бормоча неубедительные оправдания, потом опять пропала и стала выходить на связь с большими перерывами. Окто иногда по десять минут искал её по всему эфиру, находя в самых непредсказуемых местах.

А потом не стало самого Окто. Гримаски так переживал из-за непостоянства Невери, что пропустил судьбоносный день в жизни единственного друга: Окто исчез в Спецприёмнике, так и не попрощавшись. Потом пару раз Хамел видел его по монитору: сильного, могучего, в металлическом скафандре, напоминавшего трансформера из ретро-фильма, который крутили иногда по домашнему визору. Гримаски ни с кем из сисадов не сблизился так же, как с Окто, поэтому ему приходилось видеть Невери урывками – что уж говорить о поисках друга.

Самому Гримаски оставалось двадцать три года до вечности.

Годы ожидания слепились в один рыхлый ком, пульсирующий то отчаянием, то надеждой. За это время метаморфозы с телом человека превратились в рутину и стали значительно дешевле, но Гримаски не мог попасть в новую программу: он крепко сидел на «Полиморфе». Правительство выпустило более мощный аналог, несовместимый с предыдущими разработками. Новый продукт – «Метаморф» – просто убил бы его. В агрессивной рекламе поменяли буквы, и нелепый стишок продолжил насилие над разумом жителей куполов.

Гримаски так ждал дня старта на Красную Тару, что чуть не пропустил его, утонув в ежедневной рутине забот. В один из рабочих дней уборочная машина просто не включилась, а личный ящик не открылся. Гримаски подумал было о крупном сбое в дата-центре, когда в информере на его руке зажглась красная надпись: «Спецприёмник».

Гримаски заметался. Домой бежать бессмысленно: родители давно уже перебрались на Красную Тару, а те немногие вещи, которыми Гримаски пользовался в жизни, ему точно

уже не понадобятся. «Значит, всё?» – испуганно подумал он и медленно опустился на пол. Он не знал, радоваться ему или плакать.

Спецприёмники находились в каждом дата-центре. Гримаски спустился на лифте на нулевой этаж и пошёл по привычному маршруту: он не раз убирал там, и на его памяти за это время сменилось несколько операторов. Но сейчас он продвинулся намного дальше – к двери с табличкой «Красная Тара», на которую раньше смотрел с некоторым благоговением.

– Ваше имя?

– Хамел Гримаски.

В пустой комнате стандартного серого цвета за единственным столом сидела женщина неопределённого возраста и перебирала бумаги, папки и карточки с невероятной скоростью. Гримаски начал считать количество рук оператора, но дважды сбился и бросил это неуместное занятие.

– Зачем Вам столько бумаг? – искренне удивился Гримаски. – Разве нельзя было занести все данные в компьютер и...

– Поумничай мне тут, – перебила женщина и недобро взглянула Гримаски в глаза. – Марш в сканер и не болтай!

Гримаски вошёл в кабину и повернулся. Напротив терминала сканирования Хамел увидел узкую дверь-амбразуру, к которой вёл небольшой конвейер. Над дверью была яркая наклейка известной сети фастфудов.

– Скажите, моё тело... вывезут через эту дверь?

– Ага. Через неё, – женщина на мгновение оторвалась от заполнения формуляра.

– А наклейка эта дурацкая там зачем? – неприятный холодок пробежал по спине Гримаски.

– Дык, тебя к ним и отвезут! У них и транспорт свой, – женщина удивлённо смотрела на Гримаски. – Иначе куда Вас всех девать? Не хоронить же! – она рассмеялась.

– Получается, что... – Гримаски не договорил, и его стало подташнивать. – Я думал, что... там говядина, коровы разные...

– «Гамбургер» из коровы, да, – оператор захлопнула увесистую книгу и щёлкнула выключателем: сканер, в котором стоял ошарашенный Гримаски, засветился зелёным. – «Биг Мак» тоже из говядины, а вот «Биг Мэн» – как думаешь, из чего? Отгадай с трёх раз.

Гримаски содрогнулся. «Биг Мэн» он выбирал чаще всего: ему нравился сладковатый привкус котлеты внутри сэндвича. «Интересно, – подумал Гримаски, стараясь не смотреть на дверь, – Невери знала об этом на своей фабрике по переработке?»

– У вас будет стандартный код «А», – сообщила оператор, следя на экране за процессом сканирования.

– А ещё какие бывают?

– Недавно ввели новый код «В», но ваших кредитов не хватит на перекодировку, – оператор вытащила из ячеистой коробки миниатюрную флешку и куда-то воткнула. – Ну всё, система готова. Ваше последнее слово?

– Сколько у вас рук? – выпалил Гримаски, хотя сказать собирался совершенно другое.

– Очень смешно, – скривилась оператор и нажала на кнопку. – Счастливого пути, мистер Гримаски!

В шею тут же больно кольнуло, и Гримаски стал проваливаться в липкую темноту. «Кто-то сожрёт теперь „Биг Мэн“, а там...» – додумать он не успел, сполз по стенке кабины и умер.

Яркий свет лился из ниоткуда. Белое пространство окутывало Гримаски. Он посмотрел на себя со стороны: не было ни ног, ни головы. Вокруг ничего не было. Вообще. Не было даже «вокруг».

– Добро пожаловать на Красную Тару!

Обстановка изменилась мгновенно. К белой пустоте добавился канцелярский стол, заваленный папками и бумагами, за которым сидела та же женщина-оператор и натянуто улыбалась. Её бесщёчные руки были обездвижены и спокойно струились по столу, свисая с края под неестественным углом, как варёные макароны. Стол просто висел в воздухе, потому что пола тоже не было.

Гримаски почувствовал лёгкое головокружение в отсутствующей голове.

– Э... вы тоже умерли? За компанию? – Гримаски чувствовал себя дико неловко без тела, без всего.

– Делать мне больше нечего, как умирать вместе с вами за компанию. Я тут уже тысячу лет сижу! – женщина втянула пару рук и зашелестела бумагами. – Гримаски?

– Да, – ответил Гримаски, отчаянно пытаюсь нащупать точку опоры для разума, готового вот-вот свихнуться от неопределённости положения.

– Да не висите вы, как куль с рапидастрой! – женщина достала древние счёты и бросила направо одну костяшку. – Примите уже какой-нибудь вид!

– Как принять?! – Гримаски не знал, что такое рапидастра, но остро почувствовал себя ею.

– Я долго буду тут перед вами изображать невесть что? – несколько десятков рук нервно забарабанили по столу. Вы кто по профессии?

– Мусорщик...

– Ну?!

И Гримаски вдруг мгновенно стал, кем был. Он с радостью рассматривал своё любимое тело: мускулистые руки, мохнатые лапы, лоснящийся толстый живот. Четыре глаза по отдельности изучали окружающий мир, в котором было пусто и бело.

– Ну, вот и славно, – женщина втянула руки, оставив только три, которые занимались бумагами Гримаски.

– А почему вы такая... – Гримаски неопределённо помахал рукою в воздухе.

– Ради вашей адаптации. Все привыкают не сразу, – женщина ощерилась. – Не могла же я сразу вам показаться в своём обычном виде.

Перед Гримаски тут же возник огромный дракон, который забил кожистыми крыльями и полыхнул пламенем в его сторону. Гримаски издал неприличный звук, и женщина тут же вернулась.

– Я чем-то могу ещё помочь?

– Как мне найти Невери?

Гримаски разволновался: он не встречался с ней последние несколько месяцев. Сисады никак не могли засечь её в кибернетическом пространстве Красной Тары.

– Почему именно её?

– Колесо Сансары, – торжественно ответил Гримаски.

– Ах, перестаньте! – отмахнулась женщина всеми руками сразу. – Меня отец в детстве тоже водил на это колесо обозрения... мне кажется, что алгоритм подбора идеального спутника жизни составляли криворукие программисты.

– Почему? Мне, например, с Невери очень повезло.

– Исключение на уровне статистической погрешности, – женщина пожала плечами. – А мой идеальный суженный заделался кентавром и стал драть коров, которых сам же и пас.

– Как это... – растерялся Гримаски.

– Я тоже удивляюсь, – женщина виртуозно скрестила три руки на груди. – Как ему это удалось? Он ведь только копыта себе нарастил...

Гримаски покраснел и стал ковырять ластой пустоту.

– Ла-а-адно... значит, Невери, – протянула женщина, вертя в руках ту же бумажку, что и минуту назад. – Ага... гидроминовый сектор. Вас туда доставить?

Гримаски кивнул, но тут же пожалел об этом: он не успел привести себя перед встречей в надлежащий вид.

– Сделано! – крикнула женщина и вмиг исчезла, а Гримаски провалился в воду.

Загребая ластами, он плыл к берегу, или к чему-то, сильно похожему на песчаную отмель. Выбравшись на сушу, он отряхнулся и, для проверки, сделался роботом-трансформером – почти таким же, как Окто. У него сразу всё получилось, как надо. Потом Гримаски материализовался, наконец, в том образе, который лелеял долгие годы. Глянув на отражение в воде, он удовлетворённо хмыкнул: «Да! Вот теперь я действительно красив!»

Оглянувшись по сторонам и внимательно осмотрев странный лес из лиан, напоминающих вьющиеся красные кактусы, Гримаски негромко позвал:

– Невери?

Около минуты стояла тишина, и кроме плеска волны ничего не было слышно. Затем Гримаски окружило марево из цифр и символов, которые дрожали вокруг него, как в голографическом кино.

– Грими?

– Невери? Где ты? – Гримаски завертелся волчком, благо, новые конечности позволяли ему сделать этот манёвр изящно и грациозно.

– Хорош! Чертовски хорош, – сказала Невери, и её голос сделался низким и грудным. – Всё, как ты хотел... правда, Грими?

– Я не вижу тебя! Где ты? Тут какие-то цифры вокруг, всё как в тумане...

– И не увидишь, – голос обречённо вздохнул. – У тебя примитивный код, а я переформатировалась в «В» -код четыре месяца назад. Прости меня, мой старый друг.

– Это значит, что ты меня видишь, а я тебя – нет?!

– Не только.

Пауза настолько затянулась, что Гримаски хотел снова окликнуть Невери.

– Мы с тобой несовместимы, Грими.

– А как же... слиться в неге? Предсказание Колеса Сансары?! Я ждал этого пятьдесят лет!

– Мир не стоит на месте, Грими. Красная Тара тоже развивается. «В» -код позволяет не только оцифровать человека, но и вырваться за пределы Земли. Представляешь, Грими?! Я не смогла устоять, тем более, у папы были кредиты. Так что...

– Послушай! – Гримаски забежал от волнения. – А если я заработаю... отработаю, в общем, тоже перекодируюсь в этот чёртов «В» -код, мы сможем быть вместе?

– Конечно, милый друг! – голос Невери потеплел.

– Друг... вообще-то я рассчитывал на большее, Невери. Мне ведь предсказали, что...

Символы вдруг сгустились, уплотнились, слились с новыми цифрами, которые, будто принёс ласковый ветер, и марево вокруг замерцало зелёными искрами. Гримаски услышал нежный вздох и звук сладкого поцелуя, словно... словно...

– Невери?

– Да-да, Грими! Конечно, Грими, – в голосе Невери послышались нотки нетерпения. – Всё, что тебе нужно сделать, это новую кодировку. И тогда... Ох, любимый!

Символы заискрились с новой силой, красные всполохи побежали снизу-вверх по зелёным огням, которые неистово кружились над головой Гримаски, и мир вокруг наполнился электрическими разрядами. Гримаски посмотрел на своё тело: волосы на нём встали дыбом и отливали зелёным огнём.

– И тогда? Невери, что тогда?

Короткие молнии, забывшие вдруг из водоворота символов и цифр, отбросили Гримаски в воду. Он упал навзничь и закачался на поверхности. Цифровое море разорвало алыми всполохами, которые сформировались в искрящийся шар. Он медленно поплыл вверх, переливаясь негой и любовью.

Гримаски поднялся на ноги: здесь было мелко. Ему всё казалось мелким и незначительным. Кроме Невери. Гримаски смотрел на пульсирующий шар, уносящий его мечту, и улыбнулся. Он теперь знал, что нужно делать.

– Опять ты?!

Рукастая женщина сидела за прежним столом, заваленным ворохом бумаг. Перед ней в воздухе колебалось что-то блёклое и нерешительное. Гримаски быстро подошёл по гранитному полу, который он материализовал миллисекунду назад.

– Где тут можно заработать кредиты?

– В дата-центрах, – машинально ответила женщина, косясь на новичка, безуспешно пытавшегося обрести себя.

– Здесь тоже есть дата-центры? – изумился Гримаски.

– Полно, – равнодушно пожала плечами женщина. – Здесь же цифровой мир. А тебе они зачем?

– Хочу перекодироваться.

– А... – женщина многозначительно кивнула. – Твоя Сансара увлеклась модными штучками?

– Невери. Мою Сансару зовут Невери! И она прогрессивная. Перенеси меня.

– Конечно! – скептически заметила женщина и зачем-то хлопнула в ладоши. – Сделано! – крикнула она и пропала вместе с новопреставленным бессмертным.

– А что вы умеете делать? – жирная блохастая гусеница ползла по яркому синему лучу, уходящему в бесконечность.

Таких лучей здесь было бесчисленное множество. Некоторые светились чистым синеголубым светом, на единичных лучах образовались пятна и серая муть.

– Ну, в прошлой жизни я был мусорщиком, – Гримаски старался не смотреть на руководителя дата-центра, мирно ползущего в неизвестность.

– О! Мусорщик! То, что нужно! – по спине гусеницы пробежала волна, так что несколько блох свалилось на соседний луч, залипнув на нём серой муťou.

– А разве здесь есть что убирать? – удивился Гримаски, озираясь по сторонам.

– Конечно! Полно! Смотрите! – гусеница вдруг взмыла вверх, расправив нежные крылья, и приземлилась около тёмного нароста на луче. – Вот! Здесь надо чистить кэш, а вон там, – несколько взмахов крыльев, и гусеница плюхнулась на нижний луч, подёрнутый мелкой плесенью, – надо убрать куки, будь они неладны!

Пока блохи объедали нежные крылья руководителя, Гримаски бродил между лучей, дивясь, что его профессия оказалась востребованной даже в цифровом мире будущего.

– Вон там возьмите хозинвентарь и за работу, – деловито продолжила гусеница.

– Это же обычная метла! – Гримаски в недоумении вертел в руках архаичный инструмент. – У меня в реальной жизни и то была специальная машинка...

– Здесь тоже реальная жизнь, – гусеница обиделась. – Берите и метите, и вы быстро заработаете себе столько кредитов, сколько нужно!

– Мне нужен «В» -код. Родители мне дали десять кредитов. Сколько времени мне придётся мести ваш кеш?

– Это не мой кеш. Это общий кеш, – гусеница ещё больше помрачнела. – Начинайте работать, хоть вы мне уже не нравитесь. Думаю, что лет за пятьдесят вы управитесь.

– Пятьдесят лет! – воскликнул Гримаски и со злостью посмотрел на гусеницу.

– Что значит пятьдесят лет по сравнению с вечностью? – гусеница уползала вдаль по синему лучу, и её было едва слышно. – Ничто. Полное ничто.

Гримаски принял свой обычный вид, зорко оглядел хамелеоновскими глазами ближайшие места загрязнений и сжал метлу в жилистых руках.

– Невери, я иду к тебе, – сказал он и снова стал мусорщиком – теперь бессмертным.

Вторые пятьдесят лет дались Гримаски значительно легче. Цифровая форма существования допускала возможность мгновенного перевоплощения и перемещения. А уж сублимация приобретала поистине футуристические формы. За эти годы Гримаски наигрался вовсю: кем он только не был!

Первое время он искал Невери, и они даже встречались несколько раз, но это были странные свидания: он сидел в облаке из едва различимых цифр, а иногда и они были не видны, если Невери не хотела этого. Слепоглухонемая любовь.

Тогда Гримаски оставил эти попытки, целиком сконцентрировавшись на работе. Изредка он узнавал об успехах Невери, слухи о которых мгновенно разносились по Красной Таре. Невери увлеклась новым веянием: прыжками в космос. Когда ей удавалось добраться во Вселенной дальше всех, об этом гудел весь цифровой мир.

Но всему когда-то приходит конец. Даже здесь...

– Снова вы, – оператор приветливо улыбнулась.

На этот раз у неё было всего две руки: её земной двойник имел более человеческий облик.

– Я пришёл за «В» -кодом, – Гримаски волновался как тогда, в первый раз, когда отправился на поиски Невери.

– Вижу, что заработали, – женщина включила сканер: маленькую коробочку, размером с батарейку. – Сделано! Старый код будем сохранять?

– Это сколько-нибудь стоит?

– Три кредита.

– А что у меня осталось после перекодировки?

– Два кредита.

– Понятно. Тогда, естественно, не будем.

– Сделано! Старый код удалён. У вас «В» -код. Поздравляю.

– Спасибо, – Гримаски вздохнул. – Теперь найдите мне Невери.

– Я вам этого не советую.

– Вы что, женщина? Вы, вообще, в своём уме?! – Гримаски разозлился. – Сидите тут... только и знаете, что руками своими размахивать!

– Значит, вы просто не в курсе. Странно, уже неделю назад сообщили об этом.

– О чём?! О чём я не в курсе?

Оператор вывела информационное сообщение перед Гримаски, который, слушая, медленно оседал в пустоту:

– Команда космических джамперов недосчиталась лучших своих спортсменов, – голос звучал бесстрастно, словно читал прогноз погоды на завтра. – Невери и Кейт, достигнув пол-

ного слияния в атмосфере Венеры, не смогли вернуться обратно на Землю, попав в энергетические потоки, пришедшие из тёмной Вселенной. Они распались на атомы и рассеялись по обе стороны Млечного Пути. Красная Тара скорбит об ушедших спортсменах и передаёт...

– Этого не может быть, – Гримаски покачал головой и умоляюще посмотрел на оператора. – Разве не сохранилось копии?!

– Вы же знаете, что цифровые клоны «В» -кода на Красной Таре запрещены, – сухо ответила оператор. – Погодите... остался только её «А» -код – тот, с которым она пришла на Красную Тару, – она коротко взглянула на листок бумаги, потом на Гримаски. – Но там почти ничего нет: Невери всё перенесла на «В» -код. Остались только детские воспоминания и...

– Где она? – Гримаски решительно встал на ноги.

– Зачем вам это? – в голосе женщины послышалось участие. – Невери даже не вспомнит вас.

– Перенесите меня к ней!

– Сделано, – тихо сказала оператор и исчезла вместе с бумагами и столом.

Белокурая девочка лет двенадцати осторожно потрогала воду и тут же отёрнула ножку, весело рассмеявшись. Несколько капель попало на платице, и она быстро отряхнула его, украдкой взглянув на родителей.

– Пап! Мам! Ну, когда мы будем купаться?

– Невери, дорогая, давай в другой раз? Мы с папой немного устали, хотим просто полежать на травке и немного отдохнуть.

Небольшое облачко сгустилось над головой девочки и тут же рассеялось без следа.

– Ты можешь искупаться, Невери. Я прослежу, чтобы ничего не случилось, – раздался голос над её головой.

– О, ты снова со мной! – девочка посмотрела вверх, на синее небо, и ладошкой прикрыла глаза от яркого солнца.

– Я никогда не оставлю тебя, Невери.

– Ты так и не назвал себя, – девочка села на берег и обхватила коленки руками.

– Зови меня Грими, – голос прошелестел среди деревьев и легким ветерком коснулся локонов девочки. – Просто Грими.

Паучара Константин Волков

Немного соли, едва уловимая перечная нотка и кубик льда; в этот раз кухонный синтезатор всё сделал правильно. Лизавета хотела отпить ещё один малюсенький глоточек, но тут помещение сотрясла мелкая дрожь и босая нога скользнула по мокрому после уборки полу. Неловкий взмах рукой, и густая красная жижа забрызгала сарафан.

– Дура криворукая! – в сердцах обозвала себя Лиза и шваркнула пустой стакан об стену. Если б ей сказали, что алые пятна, заляпавшие любимый наряд, – вовсе не конец света, что конец света случится чуть позже, минут за пять до полуночи, разве бы она поверила?

Стянув сарафан через голову, Лизавета беспомощно его осмотрела. Ужас! Ткань и так после многочисленных стирок сделалась сероватой, под мышками и вовсе приобрела стыдно-жёлтый оттенок, а оборки скрывали следы штопки, но для Лизаветы этот сарафан всё равно самый-самый лучший, потому что – она позволяла себе так думать – модный и, вдобавок, сшитый из натуральной ткани. Конечно, если можешь слетать за новым (пустяки, сто парсеков в один конец), тогда нет повода для расстройства! Но Лиза не могла. И никто на этой планете уже двенадцать земных или девять местных лет, не мог.

Дёрнул же чёрт нарядиться! Добро бы вечером, а сейчас перед кем красоваться? Перед детьми? Захотелось ей, видите ли, праздника! Вот и получила!

Лиза прижала скомканную одежду к груди и всхлипнула. А наревевшись, поплелась в ванную. Пол вибрировал и неприятно леденил босые ноги, оттого она шла на цыпочках. Если бы только пол – всё убежище взбудоражено! Иногда начинают судорожно выгибаться стены, надуваются и с едва слышным чавканьем лопаются разноцветные пузырьки, насыщая воздух запахами свежести, цветов или разложившейся органики. Такое пузырение может говорить о чём-то важном, но, скорее всего, означает лишь, что убежище сегодня не в духе. В последнее время – обычное дело.

Лизавета зачихала скомканный сарафан в зев стиралки. Та, хлюпнув, проглотила добычу, из утробы раздалось журчание.

– Молодец, – Лиза потрепала агрегат по макушке. Вырастили тебя для стирки, так стирай! И нечего пускать идиотские радужные пузырьки, трястись и прыгать. Лизавета жалобно попросила: – Ты уж постарайся.

Женщина вернулась на кухню. Намечается праздничный ужин, и, как всегда, ничего ещё не готово. Будь трижды дурное настроение, обязанности дежурного никто не отменял.

Сначала Лиза полюбовалась на полотёра, слизывающего остатки пролитой жидкости, а потом её взгляд зацепился за панораму внешнего обзора. Опять убежище своевольничает. Лиза должна была увидеть поросшую густыми травами степь, чёрную стену дикого, не желающего окультуриваться леса и зеленоватое, с розовыми облаками, небо. Вместо этого ей показали детский сектор.

Дети, каждый в своей комнате, занимаются важными детскими делами. Воспитатель за ними присматривает. Вот и славно!

Лизавета отвернулась. Показалось, будто подсмотрела что-то, для неё совершенно не предназначенное. Странное чувство. Каспер её сын. И Дашуля с Кирей будто родные. А с другой стороны... Ох, непросто в этом разобраться.

Нет, Лиза безумно любила ребятшек. И всё же временами корила себя за то, что, поддавшись на уговоры Юстаса, решила стать матерью. Думала – справится... Оказалось – тому, кто лишился почти всего, и другим нечего дать. И никуда не денешь чувство вины, переме-

шанной с жалостью. Казалось бы, дети здоровы, но элементарные навыки у них так и не выработались. Кого винить: себя или обстоятельства?

Сегодня Касперу должно исполниться восемь лет, а у него до сих пор не выявлено даже зачатков симбиотических способностей. Хотя в Обитаемых мирах у воспитанников интернатов они возникают так же естественно, как умение одеваться, есть и говорить. И где те интернаты? Где миры, в которых можно хоть каждый день менять платья?

Лиза вздохнула, и разбудила кухонный синтезатор. А потом, кое-что припомнив, замерла.

Сердце лениво трепыхнулось почти что в горле, и понеслось галопом. Лизавета метнулась к панораме, вернее, к перемигивающемуся под ней разноцветьем огоньков пульта. Точно, не показалось! Вот он, матово-чёрный квадрат. Другие индикаторы, как им и положено, горят и мерцают, а этот будто умер. Значит, защитный барьер периметра отключен.

Лиза точно помнила: с утра она активировала защиту. Или это было вчерашнее утро? И, озарение – убежище хулиганит! Погасило индикатор, хочет, чтобы Лиза свихнулась...

– Не дождешься! – злобно прошипела женщина. Ладони прилипли к холодной и резиново-упругой контактной панели. – Сейчас, сейчас!

Видимо, Лиза всё же перестала себя контролировать. Захлестнуло раздражение, в последнее время нередко возникающее, когда она входила в биотический контакт с убежищем. Убежище отвечало женщине взаимностью!

Ух, после такого симбиоза хочется с мылом вымыть и тело, и мозги! Раньше было не так. Чувство нечеловеческой, рвущей на клочки пространство и время мощи. Возможности симбиота, многократно помноженные на возможности Корабля. Наверное, у других ощущения от слияния с могучим рукотворным существом были иными, ведь и функции в этом симбиозе у каждого были свои.

А сейчас они пытаются склеить осколки прошлого. Беда в том, что половина этих осколков потерялась. Вместо Корабля кое-как отпочковавшееся от него полоумное убежище, уродливой опухолью расплзшееся по чужой равнине. А сам Корабль умирает поодаль, в степи. Он больше не контактирует с людьми.

Шальная пылинка в межзвёздном пространстве, совмещение с материальным объектом в конечной точке нуль-прыжка. Какой смысл рассуждать о том, что вероятность события равна нулю, после того, как оно произошло?

Они дотянули до ближайшей звёздной системы. И, надо же, в семье планет, обращающихся вокруг жёлтого карлика, обнаружилась пригодная для проживания. Ещё раз о космических невероятностях: откопать бриллиант в горах шлака проще, чем наткнуться на такой комфортный мир. Если бы не дикая биосфера, планета была бы идеальна. Что биосфера? Её можно изменить, в крайнем случае, заменить. Но терпящая бедствие команда оказалась способна лишь неуклюже плюхнуться на планету. Корабль истратил последние силы на выращивание убежища, потому что сам не мог больше защитить выживших симбиотов.

С тех пор состояние корабля остаётся стабильно плохим. Работают лишь аварийные контуры, обеспечивающие людям вторичные биотические связи, да энергоподпитка убежища. Но процесс регенерации полуразрушенного корабельного мозга так и не запустился. Люди делали, что могли: ухаживали, даже пытались ремонтировать. Технологам не всегда удавалось восстановить старые корабельные органы, а новые было не из чего выращивать – местная биосфера не поддавалась направленным изменениям. Иногда мелькал вдруг лучик надежды, казалось, Корабль пытается им что-то объяснить. Но каждый раз оказывалось, что они желаемое принимают за действительное.

Лизавета боялась, что Корабль умрёт, тогда погаснет и надежда. Чуть меньше Лиза беспокоилась, что может умереть сама. Без привычных биотических связей с человеческими телами

стало твориться странное. Недавно женщина заметила появившиеся возле глаз подлые морщинки. А волосы Юстаса сделались серебристо-белыми.

Смерть случается, об этом все знают. Патрик мечтал подчинить агрессивную и непокорную биосферу планеты, его разорвали дикие звери. Андрей сгорел, пытаясь вынести из пожара, непонятно как вспыхнувшего на ферме, свежевыращенные кристаллы корабельного мозга. Но это беды непредсказуемые, про такие думается: «авось, обойдут стороной». А умирать от старости, умирать медленно и неотвратно, каждый час, каждую минуту, каждую секунду – Лизавета и представить не могла, что с ней может произойти такое несчастье.

– Прекрати истерить, дорогая. Хватит! – отчитала себя женщина, и снова упёрлась ладонями в контактную панель. Вышло лучше, чем в первый раз. Получив контроль над убежищем, Лизавета попробовала включить защиту. Генератор отказался просыпаться, и ничего с этим поделаться Лиза не смогла. Она вызвала Юстаса – тот лучше разберётся. И пусть поторопится, если не хочет, чтобы с ней, с детьми и с убежищем случилось что-нибудь нехорошее! Потому что – убежище дало понять это Лизе – к ним проник неизвестный биологический объект. Отставить истерики – в доме чужак! Опасен – не опасен, потом разберёмся, а сейчас надо проведать детей. Оружие, эй оружие! Сюда!

Хлюпнув, раскрылась ячейка, и оттуда выволочла рыхлое тельце белёсая тварь. Короткие лапки заскребли по полу, тварь подползла и уткнулась в лизаветину ногу. Зверушка поскуливала от нетерпения и призывно щекотала коротенькими щупальцами босую ступню. У существа имелось какое-то мудрёное имя, но люди называли его разрушалкой.

– Молодец, хороший, – с почти искренней теплотой сказала женщина и заехала кулаком в податливый бок разрушалки. Та радостно хрюкнула и, опутав щупальцами запястье, приросла к руке. Так-то лучше! Когда у тебя появляется возможность движением пальца разложить на молекулы любую чужеродную органику, чувствуешь себя увереннее. Теперь к детям...

Панорама ехидно сделалась зеркалом, и в нём Лиза увидела себя – босая растрёпа в нижнем белье. Вместо кисти правой руки шевелящая щупальцами опухоль.

– Обалдеть! Это ты собралась чужака соблазнять? – и Лиза метнулась к шкафу за комбинезоном. Заодно проверила и там. Мало ли куда могла заползти инопланетная тварь?

* * *

Каспер сначала посмотрел под кроватью, а потом увидел, что створка шкафа приоткрыта и решил поискать там. Мало ли куда мог забраться сорванец. Мальчик распахнул дверцу, готовый радостно закричать: «туки-туки, Киря!» Кирюши в шкафу не оказалось, зато там притаился кто-то другой. Каспер решил, что этот кто-то похож на самого-страшного-зверя-на-свете из рассказов воспитателя, и ещё немного – на самого воспитателя. Только воспитатель во-о-от такой большой, даже больше чем стол, ног у него шесть, а рук всего четыре. Хотя сразу и не поймёшь, то ли это руки, то ли клешни.

Кто-то когда-то обозвал воспитателя Паучарой, кличка и приклеилась. Поначалу, когда Паучара только превратился в няньку, Каспер не решался звать его обидным, как казалось, прозвищем, но потом понял, что тому всё равно. Значит, Касперу тоже всё равно, пусть будет Паучарой.

А гость, если сравнить с воспитателем, совсем крохотный, в сумку поместится. И ног у него много, столько, сколько Каспер сосчитать пока не может. Рук нет вовсе, зато есть усы. Сам зверь рыжий, и переливается разными цветами, словно пиратское сокровище.

Вот ты какой, таракан-таракан-тараканище! Почти как на картинке, только маленький. Ты что, детёныш? Взрослый тараканище должен быть больше всех других страшных зверей. Воспитатель не раз, заикаясь и поскрипывая (потому что он заика, а ещё он скрипит челюстями, когда говорит вслух), читал детям старую легенду про страшного усатого великана.

Каспер присел на корточки, чтобы лучше рассмотреть гостя, а тот взял, да и вывалился из шкафа. И вовсе он не страшный (никакой злобы от него не ощущается), а, наоборот, забавный: упал на спинку, а лапки смешно так шевелятся. Интересно, тараканище живой? Вот Паучара не живой. Вернее, живой, но не взаправду. Просто умеет двигаться и говорить. Так рассказала Даша. Она много знает, потому что, во-первых, на год старше, а во-вторых, умная. От неё Каспер и услышал, почему Паучара не похож на человека. Потому что его вырастили не для воспитания детей. Паучара был исследователем. Когда родились дети, его специально переделали, чтоб мог приглядывать за ними. Потому что сами детишки много чего не умеют. Они не могут командовать помощниками, ведь те не понимают обыкновенных слов, а без слов, как у взрослых, – не получается. Вот и научили Паучару разговаривать.

Каспер протянул ручонку, чтобы помочь барахтающемуся на полу существу перевернуться. Существо зашипело и попыталось цапнуть ребёнка за палец. Такого мальчик не ожидал, ведь он не хотел ничего плохого, а потому немного испугался. А кто бы на его месте не отпрыгнул и не завизжал? Потом стало немножко стыдно, только делать нечего, как вышло, так и вышло.

Взрослым проще. У них внутри живут специальные помощники. Из-за них человек много чего может. Может, например, не сказав ни слова, позвать другого человека. А с детьми приходится разговаривать. Взрослых это раздражает.

А с воспитателем можно и поговорить, и поиграть... И ещё он всегда приходит на помощь, и его можно позвать. Каспер и позвал.

Когда входная мембрана с громким треском разорвалась, мальчик снова взвизгнул. Но в комнату ворвался вовсе не родитель маленького тараканища. Покачиваясь и замирая, будто раздумывая, какой ногой теперь шагнуть, приковылял, наконец, воспитатель. На его мягкой, покрытой тёплой шёрсткой спине, устроившись в специальной ложбинке, гордо восседал Кирия, игрушечная шпага грозно сверкала в его руке. Даша высунула любопытный нос из-за спины Паучары.

– Чего кричишь? – спросила она.

– Тараканище! – Каспер указал пальчиком на чужака и шмыгнул за спину воспитателя.

– Этот жу-жу-жук не стра-стра-страшный. Не бо-ойся, Ка-а-аспер, – заскрипел Воспитатель. Хоть мальчик и был испуган, всё же заметил, что сегодня Паучара заикается сильнее обычного, намного сильнее. Наверное, тоже забоялся, решил Каспер, но потом вспомнил, что любимый воспитатель не боится ничего на свете.

Паучара занёс ногу над беспомощно шевелящим лапками созданием. Сейчас ка-а-ак хрясть! – и в лепёшку, подумал Каспер. Но воспитатель не торопился, замер, словно примериваясь. Видно, опасность придала тараканищу сил, и он сумел перевернуться. Туловище поднялось, челюсти открылись. Жук задрал передние лапки в бесполезной попытке защититься, а Касперу показалось, что он умоляет о пощаде.

– Не надо! – пожалел чужака мальчик. Раз жук не опасен, зачем его убивать? Каспер даже подумал, не броситься ли на защиту тараканища. Но не бросился, ведь воспитатель мог и ошибиться. Ничего себе, неопасный, чуть пальчик не отхватил!

А потом рукоклевня метнулась к прищельцу, и через мгновение тот оказался во рту Паучары. Несколько раз, довольно чавкнув, воспитатель замер.

– Слопал, – выдохнул Каспер.

– И ведь не подавился! – восхитилась Дашка, а Кирия взмахнул шпагой и засмеялся.

– Я его спря-пря-прятал в кон-кон-контейнер для био-о-о-о-бразцов, – объяснил воспитатель. – Там ему бе-бе-безопасно.

И как только Паучара это сказал, появилась мама. Каспер уже думал о том, что воспитатель сегодня какой-то странный, но тут по-настоящему удивился! Даже не в том дело, что к маминой руке приросло жуткое оружие, которое зыркало по сторонам глазками-прицелами

и шевелило щупальцами. Станным было то, что комбинезон, обычно плотно прирастающий к телу, наделся кое-как, один рукав задрался, застёжка на животе разошлась. А ноги-то босые, а волосы-то, волосы! Ну, круто! Если бы Каспер объявился в таком виде, изрядная порция занудных поучений в воспитательных целях, в первую очередь, конечно, от мамы, ему была бы обеспечена. А ей вот можно.

– Дети, вы в порядке? – выдохнула мама, пристально оглядывая комнату.

– Да, тётъ Лиза, – отчеканила Даша, а Киря сполз, наконец, со спины Паучары, его заинтересовало мамино оружие.

– Не мешай, Кирюша, не пугай разрушалку, отцепись, кому говорю! – закричала мама и сунула шевелящую щупальцами руку Паучаре в морду. Тот попятился, и, будто защищаясь, воздел рукоклевни к потолку. Точь-в-точь как тараканище, когда умолял о пощаде. – Отвечай, чудище, правда, всё хорошо?

Воспитатель невнятно заскрипел, а Киря засмеялся и спросил:

– Мы будем иглать в войнуську?

– Что? – переспросила мама. Немного подумав, она оставила в покое Паучару и похвалила мальчика: – Это ты хорошо, Кирюша, придумал. Давайте играть. Слушай команду, бойцы! Будете охранять штаб. Штаб, если кто не знает, в этой комнате. И чтобы без моего разрешения не уходили с поста. А ты, Паучара, – и мама снова ткнула разрушалкой в воспитателя, – от детей ни на шаг. Не то голову оторву, ясно?

Не дожидаясь ответа, мама убежала. Каспер озадаченно посмотрел на затянувшуюся дверную мембрану и спросил:

– Это она чего?

– Иглает в войнуську, – пояснил Кирюша, и показал, как надо охранять штаб: шпага в вытянутой вперёд руке, а вторая рука прижата к бедру.

– Жу-ка-ка ловит, – проскрипел воспитатель, его рукоклевни бессильно повисли, и он перестал быть похожим на большого испуганного тараканище. – Хо-хо-хочет убить. У меня жуку бе-бе-безопасно.

– Сам ты бе-бе-бе! – передразнила воспитателя Даша. – И ме-ме-ме. Зачем ей не опасный жук?

Паучара ответил без слов. Потому что словами у него сегодня получалось только «бе-бе», да «ме-ме». А когда он хотел объяснить важные вещи, всегда говорил без слов. Его дети понимали.

А потом Каспер подумал, что если жук не сделал ничего плохого (это же не преступление, прийти в гости?) будет правильно, если они его спасут. Видно, и Кирюша подумал о том же. Он попросил воспитателя вынести тараканище из убежища. Это детей не пускают за охранный периметр, а Паучара может пойти, куда ему вздумается. Он же взрослый.

– Не-не-нет, – заотказывался воспитатель. – Есть прика-а-аз, охраняю-няю вас.

– Тогда мы пойдём с тобой, – нашла выход Даша. – Выпустишь тараканище, а заодно и нас поохранишь.

– Не-нет, – снова заотказывался Паучара. – Прика-а-аз другой, вы охраняете-ете штаб. Я охраняю-няю вас.

– Ну, пожалуйста, Паучалочка, – заканючил Киря. А Каспер даже спорить не стал. Потому что приказы не обсуждают, их выполняют. Взрослые беспокоятся за детей, это понимать надо!

Но Каспер знал, что почти всегда из трудной ситуации находится выход, и он смирился, что почти всегда этот выход находит не он, а Даша.

– А если ночью? – спросила она. – Когда мы спим, мы не можем ничего охранять? Значит, приказ охранять штаб больше не действует?

Каспер не помнил, чтобы воспитатель так долго раздумывал, прежде чем поддаться на детскую провокацию. А потом дети поняли – их план одобрен.

– Ур-р-ра! – завопил Киря. А Каспер подумал, что день только начался, но сколько интересного уже случилось! С ума сойти! И ещё будет вечеринка в честь дня рождения, а это тоже весело и вкусно. А главное случится ночью. Ночью они пойдут в настоящую ночную экспедицию с приключениями.

* * *

С ума сойти! Не каждый год вываливает на голову столько неприятностей, сколько случилось за сегодняшний неполный день. Одна радость: удалось восстановить защитный барьер. Пусть он не стабилен, и остаётся надеяться лишь на выращенный наспех генератор, но лучше так, чем вовсе без защиты.

Лизавета чертовски устала. Она уселась на кровати, обхватив руками согнутые в коленях ноги. Внутри кипело. Надо бы выпустить пар, или она за себя не отвечает – ещё немного, и взорвётся! Заботливый и понятливый Юстас занят важными делами. Очень важными, чертовски важными! До Лизы изредка долетают его нерадостные мыслекментарии по поводу того, что творится в убежище. Но, чёрт возьми, почему он не рядом, когда ей плохо?!

Люди вернулись домой задолго до вечерних сумерек. Она и не думала готовить обед, она про него даже не вспомнила. Растрёпанная и взбудораженная, Лизавета азартно обшаривала закоулки убежища в поисках чужака. Такому поведению не слишком удивились. Не то, чтобы привыкли к её эксцентричным выходкам; просто сегодня и без того случилось много странного.

Давно не приходящий в сознание Корабль, наконец, ожил, но лишь для того, чтобы выдворить людей из своего чрева. Обошлось без церемоний. Сначала завывала тревожная сигнализация, потом отсеки заполнил едкий дым, а непонятливых, всё ещё пытающихся разобраться в том, что происходит, прогнали органоиды – существа, обычно мирные, созданные для обслуживания корабельных внутренностей. Едва последний человек оказался за бортом, все входные отверстия наглухо заросли и корабль снова помер.

Какой уж тут чужак? Подумаешь, чужак – был, и нет! Да и был ли?

Конфуз с кухонным синтезатором случился ближе к вечеру. Обед совместили с праздничным ужином. Лизавета, помня, что люди голодны, расстаралась. Стол ломился от яств: огромный, в разноцветных розочках, торт, шипучий лимонад, игристое вино и всё такое. Еда изумительно пахла, жаль, что вкусом напоминала мокрый картон. Проглотить, если голоден, можно, но какой уж тут праздник! Свежие овощи и фрукты из оранжереи не сильно исправили ситуацию.

Веселье тоже не задалось: Паучара хотел исполнить коронный паучий танец, но в этот раз его ноги заплетались совершенно особенным образом, и вскоре он с грохотом растянулся на полу. Дети, позабыв про неприятности с угощением, радостно смеялись, остальные мысленно, чтобы не испугать ребятишек, чертыхались. Но было, было желание выбраться громко, от души, чтоб самим сделалось неловко. Тогда бы хоть на миг полегчало.

Отовсюду стали поступать сигналы о неполадках, и праздник закончился. Лиза, уложив детей и дав наставления Паучаре, приковыляла в спальню. И теперь она сидит в одиночестве, проклиная всех на свете, и, в первую очередь, Юстаса.

Когда Юстас вспомнил про неё, Лизавета не обрадовалась. Если муж ТАК зовёт в детскую, вряд ли её там ждёт что-то хорошее.

Кроватки оказались пустыми, зато на дисплее, красным по жёлтому, светилась кривая надпись. Верхняя строчка, нацарапанная Дашей, убежала вверх, а нижняя, выведенная почерком Каспера, загнулась к низу: «Мы отнесём тараканище домой и вернёмся Не волнуйтесь с нами Паучарка»

В голове не осталось ни одной читаемой мыслеформы. Она спросила: «Что за тараканье, Юстас?», а ответа не дождалась. И представила, как по ночной степи ковыляет спятивший арахноразведчик (а в том, что Паучара спятил, спятил за компанию с убежищем, с Кораблём, с этой проклятой планетой, она не сомневалась). За ним, один за другим, бредут дети. А Паучара зачем-то играет на дудочке. Лизавета наконец разрыдалась.

И начался переполох. Вспомнилось, что воспитатель – боевой организм, хоть и с подправленными кодами. Побочным эффектом такого кустарного вмешательства стали хромота и заикание. И кто знает, что ещё?

Дальше – больше! Флаер объявил забастовку. Дроны по большей части отказывались подчиняться мыслекомандам, а взлетевшие, потеряв управление, садились где-то в степи. Многоног-внедорожник резво выбежал из ангара, и повалился на пузо. Вспахав голенастыми лапами землю, он едва не раздавил людей. А в полночь убежище погрузилась во тьму, наступил конец света. И кому теперь интересно, что там стало с Лизаветиным сарафаном?

Люди небольшими группами разбрелись по степи.

Юстасу с Лизой выпало проверить сектор от убежища до Корабля, и при других обстоятельствах Лизавета бы порадовалась, что не нужно идти в ночной лес; там и днём не слишком уютно.

В ночной степи хотя бы красиво, если кому-то сейчас есть дело до красоты. А ещё светло. Две луны – одна большая оранжевая и тусклая, вторая маленькая, сияющая голубизной – и разлившийся по небу Млечный Путь освещают неживым светом пробегающие от дуновения ветерка по высокотравью волны. А ещё непонятный, забивающийся в нос запах чужих трав. Трели не то ночных птах, не то насекомых. И тысячи летающих, ползающих, прыгающих и мигающих разноцветными огоньками светляков.

Некоторые виды светляков могут преобильно куснуть. Беда не в том, что эти укусы долго ноют и зудят, а в том, что можно подцепить какую-нибудь неизвестную заразу. Ещё не было случая, чтобы кто-то из людей заболел. Но то взрослые, у них абсолютный иммунитет, а за детей страшно.

Подумав так, Лиза чуть не разрыдалась. Как они вообще могли доверить ребят дефективному монстру?! Она до него доберётся, будьте спокойны, доберётся... Хорошо, что оружие пока не устроило саботаж; разрушалка надёжно приросла к руке.

Через полчаса увидели едва различимые следы на одной из болотистых пропелшин. Сначала Лизавета решила – они здесь уже проходили. Но Юстас объяснил, что убежище, едва подсвеченное сейчас тусклым аварийным освещением, всегда находилось за спиной. Не могли они так напетлять.

– Туда, – сказал Юстас и зашагал по найденному следу. Лиза молча пошла за ним. Туда, значит, туда. Какая разница, куда, если всё равно не известно, куда нужно?

Детей нашли в неглубоком овражке. Прижавшись плечиком к плечу, они грелись у пылающего почти как настоящий костерок походного обогревателя. Невдалеке, разметав многочисленные конечности, распластался Паучара.

В голове крутилась сотня вопросов, но самый главный Лиза поспешила задать Паучаре.

– Что ты хотел с ними сделать, урод!? – закричала она, и голос сорвался на визг. Лиза сунула в морду похитившему детей монстру разрушалку. Паучара лишь вяло поднял и бесильно уронил рукоклешни.

– Мама, не обижай его, – захныкал Каспер. – Ему и без тебя плохо.

– Он обкушался, – сказал Кирия. – Теперь болеет.

– Он сказал, что живая ор-га-ни-ка лучше. А наша еда ему не нравится, – уточнила Даша. – Мы себе разогрели, потому что после вашего праздника животики сводит. И его бы накормили, а он светлячков налопался... Вот и мучается. Корабль недавно придумал сделать ему пи-ще-варенье. Корабль больше не сможет кормить помощников. Паучара теперь сам пита-

ется, правда, здорово? Только он пока не привык к новой еде. А когда привыкнет, хоть тараканище схрумкает.

– Только он талаканищу не слопал, тётъ Лиза, – уточнил Киря, – он его сплятал, а показалось, что слопал.

– Мама, – всхлипнул Каспер, – ты его не ругай, ладно? Это мы уговорили его спасти тараканище. А потом нас позвал Корабль. И мы ходили попроситься...

– В смысле, попроситься? – переспросил Юстас.

– Дети, он что, куда-то собрался? – добавила Лиза.

– Нет, – ответила Даша. – Он хочет спать. Сильно-пресильно хочет. Вы же знаете, что он болеет и никак не может поправиться. А если поспит, то сможет. Он бы давно уснул, если бы не вы.

– А мы тут причём? – спросила Лиза.

– Плитом, – объяснил Киря. – Вы же неспособы.

– Не-при-спо-соб-ленные, – поправила Даша. – Корабль говорил, что приспособливаться вы умеете, а приспособливаться – нет. Он хотел научить, а вы не понимали. Вы же только друг друга слушаете, а другим приказываете... Ой, это Корабль так сказал, а на самом деле вы не такие. Вы же придумали научить Паучару разговаривать с нами. А потом Корабль придумал говорить с нами его ртом. Только мы не понимали, мы думали, это сам Паучара. А он научил нас. Когда он увидел, что мы уже можем за вами присмотреть, тогда и стал засыпать. А когда он проснётся, сразу отвезёт нас домой. Ждать придётся долго, только вы всё равно его не будите, ладно? О нём будут заботиться такие специальные зверьки, которые у него внутри. Знаете?

– Знаем, – мрачно ответил Юстас.

– А как же мы? – жалобно спросила Лиза. Она посмотрела на небо, которое теперь показалось страшно далёким и уже окончательно недосыгаемым. Звёзды заплясали в хороводе, и женщина уселась в мокрую от ночной росы траву.

Разрушалка слезла с руки. Она, похрюкивая, устроилась под бочком у Паучары. Вот и всё, оружия у Лизаветы больше нет. Хуже того – Лизе вдруг показалось, будто она оглохла и ослепла. Вот дети, она их видит. Мокрые от росы штаны ощутимо холодят ноги. Но порвалась тысяча нитей, привязывающих её к миру. Даже Юстас перестал быть частичкой Лизаветы, будто сделался совсем-совсем чужим и далёким. Оказывается, быть симбиотом с разорванными биотическими связями ужасно! Бедные дети, они всю жизнь такие! Бедные-бедные мы!

– Он сейчас уснул, – сказал Каспер, – Мы теперь как древние-древние люди.

– Плавда, здолово? – спросил Кирюша. – Мы будем вам помогать. Колабль сказал, мы уже умеем.

– Корабль-корабль, дети, вы ничего не выдумали? – жалобно спросил Юстас. – Что он мог сказать? У него мозг не работает. Он не контактен!

– Эх вы, умники, – грустно сказала Дашка, – может, для всяких космических перелётов у него мозгов и не хватало. А зато хватило, чтобы сообразить, что вы и нас сделаете такими же, как сами. И кто тогда за вами присмотрит, раз и мы станем неприспособленными? У него мозги, быть может, и сломанные, а зачем тогда помощники? Вот Паучарка например. Уж его мозгами Корабль пользовался всюду, чтобы сделать нас приспособленными.

– Мы можем, как волшебники из книжки, – гордо сказал Киря. – Нам паучок много книг читал. И пло волшебников, и пло талаканищ. Смотрите!

Мальчик поднял руку, и вокруг неё завёл хоровод рой светляков.

– Это Киря балуется, он же маленький. А на самом деле Корабль нас учил, как жить на этой планете. Она добрее, чем та, которая была у вас прежде. Только она не любит, когда вы пытаетесь ей командовать. Она согласна просто дружить.

Лизавета вздохнула:

– Мы ещё не поняли, что с нами случилось, а нам уже плохо, Юстас. Что же будет, когда поймём?

– Тяжело будет, Лиза. Но у нас есть дети. Правда, я не очень уверен, кто теперь дети, они или мы.

– Хотите бутерброд? – спросила Даша. – У нас есть с черничным вареньем. А ещё Паучарка приготовил какао. Он много чего приготовил для похода, потому что заботливый.

Лиза машинально взяла угощение.

– Пап, ты знаешь, что такое пила? – спросил Каспер. – А топор? Я вот не знаю, а Паучарка говорит, что это важно. Нам нужно своё жильё. Когда придёт зима, в убежище будет плохо. Ты потом у Паучары спроси, он много чего знает. И как переделать помощников, чтобы те научились разговаривать и снова вас понимали. И чтобы кушали, как Паучарка. Тогда вы снова будете с ними общаться, а они будут вам помогать. А ещё Паучара знает, как сделать пилу и топор. Сегодня Корабль отдал ему все-все знания.

Паучара поднялся на подгибающиеся ноги. Пара неверных шагов, и он, покачиваясь, навис над костром.

– Зрав-рав-равствуйте, – проскрипел он. – Де-е-ти, пора-ра-ра домой. Спать-пать. Завтра много дел.

– Ну, Паучалка. Давай ещё немножко посидим, – заканючил Киря. – А дела мы все-все пеледелаем. Мы уже начали. Уже договорились с талаканищем.

– Дети, – пробурчал Юстас, – я не знаю ни про какую пилу, ни про какой топор, но я обязательно узнаю. А сейчас объясните уже, кто такой этот ваш тараканище.

– Вот он, – Киря вытряхнул из сумки гигантского жука. Лиза вскрикнула и зажмурилась, потому что насекомое засияло ярким золотистым светом.

– Мы с ним подружился, – сказал Каспер, – он согласился побыть светильником. Правда, полезный?

– И доблый. А ещё класивый. Хотите погладить, тётъ Лиза? – и мальчик протянул женщине шевелящее усами создание.

Лизавета отпрянула, бутерброд упал на свитер. Надо ли говорить, что он упал вареньем вниз? И надо ли уточнять, что это был самый модный, хоть и залатанный на локтях, вязанный свитер из натуральной шерсти? Другой такой взять негде, конечно, если ты не можешь слетать за ним. Ерунда – сто парсеков в один конец.

Человек по подписке Александр Лепехин

Бернадо Суавес по прозвищу Бенито не любил бездомных.

Да какой нормальный человек в своем уме станет их любить? За что? За выдающийся экстерьер? За шикарные ароматы? За слезливую назойливость: «Сеньор, три дня не ел, сеньор, не кидайте в мусорку, отдайте мне, сеньор»? Тьфу! Вот и сейчас Бенито наблюдал за вкравшимся в автодверь типом и испытывал обиду за свой магазинчик.

Тип был натурально мутный. Все они, бездомные, с каким-то перекосом в голове. Кого войной пришибло, кто анимашек джаповских пересмотрел, кто не поймал баланс между студенческим разгулом и полным саморазносом. Короче, сами виноваты: нечего было странного желать. Вот он, Бенито, всегда сидел на своем месте и местом этим доволен. Ибо нефиг тут. Ясно?

Мутность типа выразалась в его походке. Словарный запас сеньора Суавеса не отличался богатством и не включал в себя термин «культура движений». Рекомый сеньор Суавес вообще затруднился бы ответить, что именно кажется ему «не таким» в этой неуклюжей, дерганой, развинченной фигуре, будучи внезапно пойман прямым вопросом. Но тип был мутным. И сеньору Суавесу он не нравился.

Бездомные обожали плащи. Спору нет, одежда практичная. Хочешь в дождь шлепай, хочешь – по зиме утепляйся, если флиску поддеть. Тип не был исключением. Разве что плащ у него оказался практически новым, темно-оливковым, с неизменным капюшоном, опущенным ниже подбородка. «Небось, украл где-то, не в помойке нашел», – подумал Бенито чуть ли не вслух, неприязненно морщась. Версия с «бездомным» начинала трещать по швам, но не теряла в привлекательности.

Непрошенный гость застыл между полок, капюшон развернулся в сторону висящего против стойки экрана. Передавали местные новости, и хозяин магазина понадеялся было, что в разделе криминальной хроники мелькнет фигура в плаще. Тогда стало бы можно с чистой совестью жать на тревожную кнопку, оправдывая ежемесячные «взносы» для полиции, которая «предоставляла свои услуги населению на основе гибкой тарифной сетки». А уже после – наслаждаться шоу... Но увы. Никакой уголовщины не случилось, пожарные в ролике снимали котенка с вышки беспроводной связи. Бенито украдкой сплюнул и чуть не отвернулся.

Чуть.

Потому что осознал вдруг, что именно привлекло его взгляд изначально. Кисти несуразно длинных рук, нелепо торчащие из рукавов, были разного цвета. Одна – в тон горького, горчайшего шоколада, словно обладатель прибыл не из Гарлема и даже не с Ямайки, а прямоком из Бенина или Ойо. Другая – белой. Нет, не смертельной бледностью альбиноса, но обычной, светлой, незагорелой. Усы Бенито поднялись.

«Ну, – пожал он плечами, рассуждая про себя, – теперь понятно. Чувак пережил какой-то крупный залет. Может, обгорел. Кожа-то явно пересаженная. Немудрено, что дерганый. И что морду прячет. А ты, Суавес, готов в каждом незнакомце чутя подвох. Нехорошо как-то. Что сказала бы мама?»

От воспоминаний о покойной родительнице на ресницы расчувствовавшегося латиноса навернулись крупные, искренние слезы. Смахивая их обратной стороной ладони, Бенито заморгал...

И слово «чуть» снова вмешалось в происходящее.

Черная рука дернулась. Как атакующая змея, двигаясь совершенно отдельно от тела, она впиалась в грудку соевых батончиков, лежащих на ближайшей полке, ухватила добычу – пару-

тройку ярких, аляповатых упаковок, – и втянулась в рукав. Всю эту красоту Бенито чуть не пропустил.

Но не пропустил.

Подпрыгнув от неожиданности и возмущения, в момент сменив милость на гнев, он заорал, надсаживаясь и хрипя от недавних слез:

– Эй, cabrón! Ты что творишь, puto? Maricón de mierda, а ну отошел от товара!

Фигура сделала шаг в сторону – словно перетекла каплей дождя по стеклу. «Люди так не делают», – машинально подумал Суавес. Но вслух снова выкрикнул:

– Давай, давай, соño, вали из моего магазина. Пошел!

Тип снова замер. Только капюшон медленно поворачивался в сторону Суавеса, и снова это движение происходило как-то само по себе, не затрагивая плечи, спину, руки... Только когда ткань плаща начала морщиться и тянуться, ноги типа быстро переступили, разворачивая корпус. Скупое и экономное. «Киборг, что ли?», – кровь отлила от лица Бенито. Года два назад ходили слухи, что военные умудрились потерять контроль над парой боевых прототипов. Конца той истории никто не знал.

Совершенно не понимая, как ему следует поступить и что надлежит чувствовать в эти секунды, Бернардо Суавес сам застыл, как крыса перед гремучником. В голове почему-то настойчиво звучала слышанная в детстве песенка: «В одной из тюрем Нанта томился арестант...» И тут в наступившей тишине снова зашуршала автодверь.

– Нола, Бенито, что за шум? Все оукай? – офицер Джеймс Хван, поблескивая щелочками глаз, стряхивая дождь с рукавов и белозубо улыбаясь, прошел к стойке. Тут он тоже увидел фигуру в плаще. Нахмурившись, полисмен положил руку на кобуру мультигана. – Сэр, вы...

– Он ворует мой товар! – отмерз хозяин магазина, замахав руками. – Madre de Dios, я клянусь, Джимми! Слямзил с полки несколько «Слакерсов», пока я отвлекся. Обыщи!

– Тихо! – рыкнул Хван и отщелкнул застежку на кобуре. – Сэр, это правда? Поднимите...

Человек, знакомый со стандартной процедурой полицейского досмотра, мог бы предсказать, что произойдет дальше. Но именно этого и не случилось. Тип, слушавший диалог без малейших эмоций, вдруг как-то съежился, стал ниже ростом. Из-под капюшона, из тени, скрадывавшей лицо, сверкнула пара огромных глаз. Затем фигура сгорбилась, дернулась – и пронеслась мимо офицера...

Вышибив медленную автодверь.

Джимми Хван среагировал с похвальной скоростью. Он выскочил сразу же за плащом и, махнув напарнику, переживавшему непогоду в штатном черно-белом ховере, припустил по тротуару. Плащ мелькал уже где-то ближе к углу блока, грозя исчезнуть с поля зрения, но полисмен надал и, повернув, успел заметить фигуру, расталкивающую прохожих. В наушнике скрипнуло:

– Вызываю подмогу?

– Не уйдет! – обернувшись на парившую над кварталом машину, Хван еще раз махнул рукой, но теперь от себя, отрицательно, отказываясь от помощи. Напарник цокнул языком.

– Смотри, там склады...

– Вот с них и заходи, – отрезал Джеймс и добавил ходу. Оружие он теперь держал наизготовку, выставив на шок-режим. Не убивать же воришку за сласти... Хотя судя по прыти, это был кто-то серьезный, и с полицией ему явно было не по пути. Стоило задуматься.

Фигура нырнула в переулок, офицер устремился за ней. Не шибко, впрочем, торопясь: карта, выведенная на запотевшие очки, подсказывала, что улочка закончится тупиком. Да и в памяти услужливо всплывала пара задержаний, которые он проводил неподалеку. Верно, вот задняя стена складского двора. И глухие, темные от дождя брандмауэры жилых блоков. Бежать некуда.

Тип в плаще остановился прямо в конце улицы. Он стоял к Джимми реверсом, и тот, приближаясь с мультиганом в вытянутых руках, успел поразиться. После такого забега, по идее, спина у типа должна была ходить ходуном, позволяя ребрам раздвигаться и растягивать легкие, накачивая кровь драгоценным и редким во влажном воздухе кислородом. Но плащ почти не колебался – ветра меж домов почти не было. Выглядело это как-то чуждо и неприятно.

– Руки за голову! – офицер рывкнул привычную фразу. – Лицом к стене! – он кашлянул, поняв, что сказал глупость. – Медленно опуститься на колени!

Капюшон качнулся. Воришка словно размышлял над словами полисмена. Потом он одним плавным движением развернулся, и у Джеймса Хвана перехватило дыхание.

Верхняя часть плаща сползла с головы существа. Оно не могло быть человеком, хотя по всем признакам подходило под формальное описание. Лысая, чуть вытянутая, с тонкой, просвечивающей кожей голова; широко разнесенные, большие, смотрящие в разные произвольные стороны глаза – один ярко-синий, другой карий; загорелый, курносый нос между бледных острых скул; подергивающаяся нижняя челюсть, словно вырезанная у одного человека и вставленная другому. Существо медленно подняло свои разноцветные руки и ломким голосом прошептало, едва слышно за шорохом капель:

– Не надо... Не надо...

Джимми понял, что его сознание отказывается вмещать эту новую картину мира. Он сжал рукоять мультигана крепче, палец скользнул по мокрому спусковому крючку...

И в то же мгновение, как парализующий импульс сорвался с эжектора, нечеловеческий человек перед офицером Хваном перестал существовать.

Тело воришки рассыпалось на части. Предплечья отломились от локтей, пальцы ладоней удлинились и, растопырившись, как паучьи лапки, спружинили при падении. Глаза вынырнули из глазниц, скользнув куда-то под ворот. Голова запрокинулась, челюсть дернулась сильнее и с влажным всхлипом вышла из ямок височной кости. Ноги подломились, а вся фигура за считанные секунды осела грудой мятой одежды.

Из-под шевелящегося тряпья энергично расползались и разбегались какие-то уродливые, жуткие тварюшки, отдаленно напоминающие человеческие органы и части тела. Они устремлялись к канализационным отверстиям и подвальным окошкам, мелко перебирая лапками или извиваясь, подобно змеям. Джимми начало мутить.

Когда же браваый полисмен справился с приступом тошноты, вспомнил устав и осторожно приблизился к валяющемуся на пласфальте плащу, внутри уже никого и ничего не было. На ткани остались следы вязкой жидкости, напоминающей слюну – Хван не стал дополнять ассоциативный ряд. Просто потому что.

Рядом мокла упаковка от соевого батончика. Она тоже была пуста.

Джедадая Смит, не имевший прозвища, но охотно откликавшийся на обращение «Джед», если в кругу коллег или знакомых, к бездомным относился индифферентно.

Он в принципе максимально избегал оценочных суждений, если иного не подразумевала форма отчета. Факты и их трактовки: широко, но без субъективности. Это была его работа, это был его конек, это было его призвание.

Это нервировало всех, кому доводилось общаться с мистером Смитом по рабочим вопросам.

Человек, стоящий перед Джедом, опершись бедром на лабораторный стол, тоже нервничал. Но при этом уверенно сохранял лицо, плавно, округло жестикулируя в едином ритме с отрететированной речью. Слушать его было приятно, смотреть – сродни наблюдению за опытным жонглером: умиротворяло и гипнотизировало.

– Вы ведь понимаете, мистер Смит... – ласково журчал оратор. Мистер Смит кивал и понимал. А еще запоминал, делал промежуточные выводы и готовил вопросы. Вдобавку к тем, что сформировал заранее.

– А если по существу? – бросил он где-то на середине речи. Собеседник по инерции шевельнул губами.

– Но ведь это и есть... по существу, – замешательство плеснуло в глазах. Джед любил этот провокационный ход: вскрыть оборону ложным залпом, заставив противника выдать огневые точки. Не все, конечно, и не сразу – особенно если тот опытен и терт, как старый лис из густого ельника. Но никто никуда не торопился.

– Я вас очень внимательно слушаю, – повторил мистер Смит. Руки человека дернулись.

– Однако... – он хохотнул, выдавая брешь в фортификациях. – Меня еще никогда не ловили на невнятице. Всегда считал, что могу донести любую сложную мысль простыми словами. В конце концов, это моя обязанность как руководителя...

– Господин директор, – тон Джеда оставался неизменно вежливым и ровным. – Я не биолог. Не медик. Даже не экономист. Я работаю на государство, и государство через меня задает вопросы, касающиеся безопасности. Объясните, пожалуйста: ваши новые протезы – они живые?

– В известном смысле да... – замялся директор, но потом взгляд его перестал нырять по углам и нацелился на подбородок Смита. – Хотя, почему в известном? Да, они живые. Прорыв в бионике. Никакого железа, алюминия, керамики или пластика. Технически это человеческие руки, ноги и прочие органы.

– Совместимость? Отторжение? Иннервация и питание?

– А говорите, не биолог, – упрекнули в ответ. – Поверьте, работа была проведена колоссальная. С одной стороны, наши симбионты, – интонации подчеркнули слово, – подходят всем и каждому. С другой – мы не давили в них системы иммунного ответа, а просто... обособили. То есть, инфекция им не страшна. С третьей – никаких проблем с контролем: это не традиционный протез. Это, по сути, новые возможности для полноценной жизни. С четвертой – питание у них все-таки автономное. Естественное, если можно сказать, – и человек хихикнул. Джед едва заметно приподнял бровь.

– Естественное?

– Здесь мы возвращаемся к вопросу о том, живые ли они, – директор опять описал ладонями некую сглаженную фигуру. – Видите ли, из целого ряда соображений мы спроектировали наши протезы как почти полноценные организмы. Симбионты, я уже говорил. С неустанным потребностью помогать человеку.

Подумав секунду, Смит разрешил брови подняться еще чуть выше.

– Хотите сказать, что когда «запчасть» проголодается, она слезет с «рабочего места» и деловито поползет к мисочке с кормом?

Губы собеседника кривились, и было не очень понятно, что это означает – благосклонную улыбку или брезгливую гримасу. Он подбирал слова, аккуратно и осторожно.

– Если опустить профессиональный цинизм, приправленный естественной брезгливостью, то в общем вы угадали. Конечно, корма используются специальные, к тому же вряд ли этим будет заниматься конечный пользователь...

– Поясните? – позволив директору увидеть в себе обычного человека, не лишеного слабостей, Джед надеялся, что тот слегка размякнет. Совести государственному агенту иметь не позволялось, а вот навыки манипуляции котировались.

– Охотно, – оживились напротив. – Тонкость в том, что помимо рывка в науке протезирования, мы творчески подошли к экономической стороне вопроса. Наверное, вы уже в курсе: каждое наше изделие достаточно дорого в производстве.

– Допускаю, – нейтрально отозвался Смит. Фискальные данные он еще не изучал, но это и не было главным в деле. К тому же, не стоило тратить время там, где информацию могли упаковать и преподнести добровольно.

– Так оно и есть, – важно покивал директор. – И мы подумали: ведь не только обеспеченные люди нуждаются в наших услугах. Средства инвалидов подчас ограничены. Ни с гуманистической, ни с маркетинговой точки зрения это нас не устраивало. Тогда мы подумали еще – и перешли на радикально новую модель распространения. По подписке!

Выражение лица Джеда не изменилось. Триумфальный задор, с которым произносились последние слова, канул втуне. Помявшись от ощущения замаха, угодившего мимо цели, рассказчик продолжил:

– Понимаете, мы исходили из того, что здоровье – не продукт, а сервис. Быть способным работать своими руками, ходить своими ногами, разговаривать, используя свои связи. Возможно, не «двадцать четыре – семь», но чаще, чем никогда – и по вполне сходной цене. С доставкой в оба конца и обслуживанием.

– Доставка? – агент уточнил, исключительно чтобы собеседник не прерывался. Тот поиграл пальцами в воздухе.

– Малые транспортные дроны. Симбионт сам покидает контейнер, сам определяет нужную позицию, сам подстраивается и закрепляется. В обратную сторону все работает так же. Пункты хранения и обслуживания размещаются в оптимальных точках по всей агломерации, время в пути минимальное. Если вам когда-либо понадобится...

– Не понадобится, – отрезал мистер Смит. Ему на мгновение действительно стало мерзко. Что-то глубинное, примитивное, растущее из инстинкта самосохранения всплыло на поверхность, пробив рабочую скорлупу. Решив направить эмоциональный выплеск на пользу дела, Джед сделал шаг вперед и мерно, веско принялся излагать:

– На днях в одной из забегаловок прибрежного района человек совершил кражу съестного. У человека, по словам продавца, одна из рук была темной, другая – светлой, и двигался он так, словно у андроида слетела программа навигации. Оказавшийся на месте офицер полиции пытался задержать подозреваемого, но человек бежал. А когда понял, что его загнали в тупик, развалился на части. Судя по показаниям полисмена, а также по видео с его фиксатора – очень похожие на вашу продукцию. И эти разномастные куски тел не стали дожидаться никаких дронов. Попросту смылись от представителя власти – почти в буквальном смысле. Вам есть, что мне рассказать по этому поводу?

Тишина в лаборатории стала такой, что включившаяся по таймеру вентиляция заставила директора вздрогнуть. Он качнулся назад, лицо заблестело – выступили крохотные капельки пота.

– Слушайте, вы что, обвиняете меня в чем-то?

Смит двинул подбородком.

– Правительственный агент не имеет полномочий дознавателя или прокурора и не подменяет их собой, – баланс вернулся к нему, и голос снова стал ровным. – Но задавать вопросы я могу. И задаю. Если же вопросы возникли у вас – по поводу моих полномочий или границ их применимости, – то на этот случай есть документ.

Из-под плаща, точную копию которого наблюдали парой дней ранее Суавес и Хван, на свет потолочных панелей вынырнула добротная синтекожаная папка. Из папки выполз лист гербовой бумаги – архаичный и солидный, как вся государственная машина. Директор вцепился в него клещом.

– Та-а-к... – простонал он, ныряя в строчки носом. – Та-а-ак. А, значит, вас направил...

– Да, – прервал Джед, и рот собеседника поспешно захлопнулся. – Из этого вы должны понять, что мои инструкции, скорее, конструктивны. Я должен оказывать помощь, а не волочь на дыбу. Так что рассказывайте.

Человек напротив аккуратно положил лист на лабораторный стол. Потом сложил ладони вместе, прикрыл глаза и принялся кивать:

– Ах, какой был перспективный бранч... Вы не представляете. Хотя вы как раз, может быть, и представляете. Нет, нет, не надо опять вот этого: «Я не биолог...» – директор поднял веки, покачался с пятки на носок и принялся ходить по лаборатории. Потом воровато оглянулся, вытянул из внутреннего кармана электронную сигарету и сделал затяжку.

– Мы работали на перспективу. Знаете, не просто заменить утраченное. Не просто вернуть былое качество жизни. Но сделать человека быстрее, сильнее, ловчее... – он снова начал жестикулировать, но теперь движения рук были резкими, рубящими. – И одна из наших рабочих групп добилась существенного уплотнения нейронных связей в... ну, назовем это «мозгом».

– Вы создали ИИ? – флегматично потер переносицу Джед. – Массачусетский инцидент никого ничему не научил, как я посмотрю. С этим даже я не смогу помочь, если что. Вы же понимаете...

– Нет, нет! – ладони принялись резать воздух энергичнее. – Никаких признаков разумности! Вы же не считаете разумной кошку или пчелу? А они порой проявляют больше таланта и находчивости, чем некоторые люди. Так и тут: мы всего лишь улучшили быстрдействие и добавили автономности.

– С автономностью полный порядок, – подтвердил Смит. – Я видел кадры. Что вызвало интерес наверху, а, следовательно, и мой – так это объединенная форма. Которая вела себя практически как человек.

Затянувшись еще раз, директор задумчиво выпятил нижнюю челюсть и постучал мундштуком по выступившим из-под губы зубам. Зрелище было не из приятных и Джед чуть дернул бровью, но следить за микромимикой собеседника не перестал. В работе с людьми важно было не упускать детали.

– Это, видите ли, озадачило и меня, – сознаваться нелегко лишь поначалу, а потом человека словно отпускает капкан хранимой тайны. – Рабочая группа доложила, что из хранилища пропал комплект новых образцов. Понимаете? Комплект. В сумме дающий полноценный человеческий организм.

– Значит, и голова тоже? – нахмурившись, агент выудил все из той же папки небольшой VR-проектор и запустил видео, предоставленное полицией. Директор замер, пристально изучая каждый фрагмент.

– Голова, кажется, нет... А, понял, – щелкнул он пальцами. – Со стенда уволокли. У нас есть «болванки», на которых проверяется работоспособность. Одна из них тоже пропала. Служба безопасности, конечно, в режиме полномасштабного поиска...

– Давайте вернемся к разумности, – перебил Джед. – Вы утверждаете, что это невозможно?

– Совершенно, – завертел головой собеседник. – Никаких предпосылок.

Тогда Смит запустил видео еще раз, теперь со звуком. Лабораторию заполнил мягкий шелест дождя, отдаленный гул городских улиц... И шепот:

– Не надо... Не надо...

У директора отвалилась челюсть.

Дрон-модуль спецназначения, модель «Eidolon-A Mk.VII», имел серийный номер гораздо короче, чем у аналогичных полицейских машин, что говорило о выпуске ограниченной партией. К бездомным он не относился никак, потому что лимитированный интеллект

устройства не оперировал категориями «отношение» или «личная позиция». За это Джед его и любил, для удобства в работе обращаясь к дрону через псевдоним «Адсон».

Склады, возле которых офицер Хван потерял преследуемого, оказались настоящим лабиринтом. За годы и века своего существования портовый город непрерывно испытывал нужду в площадях для хранения, сортировки, фасовки и отгрузки самых разномастных товаров. Нужда эта росла вместе с городом, и теперь обширные территории ангаров, крытых стеллажей и площадок для контейнеров могли человека непривычного принудить плутать сутками.

Сутки у мистера Смита имелись. Даже не одни. Задача, поставленная ему сверху, не содержала формулировок «как можно быстрее» и «любой ценой». А вот слова «не привлекай внимания» и «максимально осторожно» в тексте приказа были. Приходилось соответствовать.

Безопасники компании оказались не совсем бесполезны. Им удалось установить, что маршрут объекта, как правило, замкнут. И замкнут именно складскими заборами. Логично было предположить, что где-то там у беглых протезов лежка. Нора. Убежище. В общем, место, где можно организовать засаду. Остальное было делом спецтехники.

Одиноким – чтобы не спугнуть пропажу раньше времени, – дрон, густо замаскированный под средний погрузчик, час за часом курсировал над блестящим от бесконечных дождей пласфальтом, делая вид, что страшно занят. Каждые двадцать минут он нырял в подходящее укрытие, где менял окраску, номер на корпусе и конфигурацию манипуляторов. Сканеры и детекторы при этом не переставали работать в нагруженном режиме, составляя подробную трехмерную карту тюков, штабелей и бухт, распиханных по всевозможным закуткам и закоулкам. Начальник порта, в чьем ведении находились складские дебри, умолял по окончании расследования передать эту информацию его ведомству – после цензуры, конечно же. Работа кипела, и это было хорошо.

Самым очевидным по плодотворности поисков был сектор, в котором сходилась больше всего возвратных траекторий объекта. Но Джед давно усвоил, что очевидное и фактическое чаще всего синонимичны чуть менее чем никак. Короче говоря, не все было так просто, как казалось поначалу.

Бездомные действительно облюбовали некоторые из ветхих старых построек. Пока их решили не трогать, но полиция уже готовила рейд. Естественно, не будучи в курсе, чем именно обусловлен богатый поток данных по целям. Офицера Хвана и всех иных причастных с повышением перевели в другие отделения, прочие информировались по остаточному принципу.

В заброшенном эллинге, примыкавшем к реке, на самой границе между активно используемой и покинутой частью складов, обнаружился характерный химический след. Агент Смит снова вспомнил разговор с директором. Тот так до конца и не поверил в разумность своих «питомцев», однако результаты говорили сами за себя. Расположение логова было стратегическим и продуманным.

Действительно, искать в этом районе стали бы в последнюю очередь. Решили бы, что беглец побоится соседства с рабочими участками складов, где его могут заметить. С другой стороны, сюда свозили всякий мусор и утиль; горы хлама не нравились даже бездомным.

А помимо психологических факторов, элинг имел удачные пути отхода – как по земле, так и по воде. Мистер Смит не склонен был недооценивать интеллект беглеца, и продуманность выбора не казалась ему случайной.

Внутри эллинга, на облупившемся и проржавевшем под краской стапеле покоился поперечный набор какого-то катера. Обшивка, если и существовала когда-либо, давно сгнила и осыпалась на пол. Балки, напоминая скелет с китовьего кладбища, уныло пронзали влажный воздух. Картина была мрачной, и по своей воле никто здесь селиться бы не стал.

Но воля порой диктуется обстоятельствами.

На втором этаже, в одном из концов верхней галереи находилась комната управляющего. Там было относительно сухо, сохранились стекла в окне и дверь, которую можно было даже запереть. Удивительно, но замок функционировал – надежная старая работа, чистая механика. А еще его кто-то неумело, но старательно смазал.

Джед изучал подробную голограмму, дополненную слоями рентгеновских, инфракрасных, длинно- и коротковолновых данных, и хмурился все сильнее. Создавалось впечатление, что объект эволюционирует. Учится. Его поведение усложнялось, он становился... человечнее. В чем-то даже превосходя среднего обывателя.

При сканировании комнаты внутри обнаружили несгораемые шкафы. Раньше в них наверняка хранились пластиковые распечатки, еще имевшая хождение в то время наличка и носители с важной документацией. Теперь в одном из них лежали всепогодный спальный мешок, армейская скатка и стопки разномастной одежды, очевидно добытой на барахолках. В другом громоздились банки консервов, протеиновые рационы, пара бутылей виталки – так называли питьевую воду, сдобренную электролитами и витаминами.

И стоял ящичек, плотно набитый медикаментами.

Значит, «экспериментальные образцы» действительно экспериментальны. Значит, что-то у них идет не так. Не срастается – Смит даже хмыкнул от двусмысленности этой фразы. Симбионты ищут способ остаться вместе, быть единым целым, и на этом можно сыграть.

От помощи в организации засады агент отказался. Впрочем, в полиции понимали, что чем меньше людей знают о происходящем, тем проще будет «продавать» официальную версию после. А безопасники компании, прикинув *basulus* к носу, сообразили, что в случае провала ответственность ляжет на участвовавших. И на эту, несомненно, важную роль претендовать не стали.

«Адсон» притаился у крыши эллинга, за кран-балкой. Он толково изображал какой-то потемневший от времени сервомеханизм, и Джед надеялся, что «композитор» – так он начал последнее время называть объединенную форму, – не обратит внимания на новое в обстановке. Сам агент решил прятаться на виду: лег под камуфлирующей накидкой среди раскрошенных бетонных блоков желоба. На ум приходили литературные аналогии.

Ожидание затягивалось. По расчетам аналитиков, объект возвращался к лежке под утро, раз в три дня. Отклонения от среднего составляли плюс-минус девять часов, максимум до полусуток. Но прошло уже гораздо больше времени, и Смит начинал уставать.

Наконец внешние датчики показали, что к ангару кто-то приближается. Это могли быть случайно забредшие рабочие или бездомные, но, осторожно запросив «Адсона», агент получил подтверждение: «композитор» близко. Стоило начинать приходить в себя.

Наплечная аптечка впрыснула коктейль стимуляторов. Дрянь, конечно, но пить кофе и делать зарядку сейчас было не с руки. Джед еле заметно дернулся, когда смесь проникла в вену, и тут же замер: осторожно скрипнула одна из дверей эллинга.

Через десяток секунд между кучами трудноопознаваемого хлама возникла фигура в темном. «Где он берет эти плащи?» – мысль мелькнула и была отложена на потом, за неактуальностью. Капюшон вновь укрывал лицо, покачиваясь из стороны в сторону. Непонятно было: то ли беглец рутинно проверял свое убежище, то ли что-то его насторожило.

Впрочем, еще через пару мгновений плащ колыхнулся в сторону лестницы. Это был единственный путь наверх – и единственный вниз. На сем факте строился весь план Смита. Он выждал еще немного, затем плавно встал и направил на «композитора» мультиган.

– Ты меня понимаешь? – спросил он спокойно, когда фигура рывком обернулась на шорох.

Глаза сверкнули. Наверное, сетчатка отражает свет, как у кошек. Значит, он еще и в темноте видит. К директору копились интересные вопросы.

Бесшумно спикировав за спину объекта, «Адсон» вывел свои шокеры на готовность. Теоретически цель не должна была услышать тончайший звук работы гравизеркал. Однако услышала. Плащ медленно, словно понимая, что резкие движения спровоцируют дрон, стал к нему боком...

И прыгнул через перила.

Этот ход был предсказуем. Ускоренный медикаментами, Джед выстрелил на опережение, но беглец оказался быстрее. Поднырнув под разряд, он перекатился и рванул вдоль стапеля. На видео с полицейского регистратора, кстати, подобной прыти отмечено не было. Тренировался? Потом, все детали потом.

Отправив «Адсона» в глубокий охват, агент устремился следом. Фигура петляла промеж мусорных холмов, целиться было трудно. Но дрон, обогнавший ее поверху, отрезал путь к воде, и «композитор», на секунду затормозив, дал шанс на удачный выстрел. Джед крутанул регулятор в максимум – накрыть всех симбионтов разом, не ловить потом глаз или ступню. Разряд загудел...

И плащ сложился, уходя в резкий нырок. «Адсон» же, вильнув следом, поймал корпусом весь пучок, потерял управление – и врезался в останки катера.

Балки набора перекосило. Агент затормозил на скользком бетоне, чуть не упав. Но нет, на этот раз не «чуть». Нога поехала на какой-то тряпке, мир запрокинулся, и последнее, что видел мистер Смит перед нокаутом – как металлическая громадина валится на него.

Потом было темно.

Не болело ничего. Джед поморгал и рывком сел. Осмотрелся.

Вздрыгнул, увидев рядом лужу крови и чью-то раздавленную руку, торчащую из-под ржавого железа. Обломки костей, канатики сухожилий... Обрывки до странности знакомого рукава. Глаза агента Смита расширились.

Он понял.

Фигура в плаще стояла перед ним. Пустой рукав легко колыхался на слабом сквозняке. Не хватало той самой, черной, как предел Африки, руки. Той, что теперь была частью Джеда.

– Зачем? – спросил он. И поправился: – Почему?

– Мы должны... Надо, – шепот словно вторил сам себе. Как хор тихих ангелов. – Человек не может... страдать. Надо.

– Надо... – повторил Джед. Он встал, кинул взгляд на вырубившегося «Адсона» и запустил в нем программу очистки памяти. – Надо. Значит, так. Запоминай. Ночью доберешься до магазинчика Ляо, там, где порт переходит в Сити. Ты меня понимаешь?

Капюшон качнулся. Не будучи успокоенным, Джед хмыкнул и продолжил:

– Спросишь Мэй-Мэй. Скажешь – от Вильгельма. Она не будет задавать вопросов и вывезет тебя из страны. Дальше сам. Все еще понимаешь?

– Да, – снова шепот. Фигура развернулась и пошла к лестнице. Собирать свои нехитрые пожитки. Убегать. Начинать новую жизнь.

А Джед, уставившись на свою новую руку, все стоял возле рухнувшего катера. Он смотрел и думал, что разум всегда стремится к человечности. Где бы он ни был зачат: внутри симбиоза слишком сообразительных биопротезов...

Или в голове гомункула, созданного Массачусетской машиной. Гомункула, который когда-то взял имя Джедедайдя Смит.

Мысли и чувства на Земле и в космосе

Татьяна Кривецкая

ЧАСТЬ 1

ОСНОВНОЙ

Я сижу за рабочим пультом. В иллюминаторе – привычная, изрядно надоевшая картина: планета, окружённая плотной, бледно-жёлтой кислотной атмосферой. Наша диспетчерская станция медленно движется по орбите против вращения планеты.

Моя задача – контролировать транспорт, доставляющий с Юпитера аммиак для нейтрализации сернокислых облаков. Автоматика иногда даёт сбои, и приходится на подлёте корректировать в ручном режиме траекторию челноков-цистерн. Ничего сложного, но надо быть внимательным и аккуратным, иначе челнок пролетит мимо или попадёт не в ту точку, и проку от него будет немного. Результаты нашей работы уже видны, кое-где в просветах облаков можно разглядеть освещённые солнцем бурые венерианские скалы.

В нашей команде кроме меня ещё трое: командир Шульц, инженер Моралес и стажёр Кнедличек. Работаем в две смены: я с Моралесом, а Шульц – со стажёром. Первое время мы были в одной смене с Кнедличком, но потом я попросил командира разделить нас. Причина была весьма прозаическая: из-за малых размеров станции нам со стажёром приходилось не только вместе работать, но и спать в одном отсеке. Чёрт бы побрал проектировщика этого модуля! Экономить на людях – последнее дело! Нет, сначала всё шло нормально, даже приятно было общаться с наивным и жизнерадостным юношей, но через некоторое время он начал лаять во сне. Не храпеть и не пукать, а именно лаять, громко и заливисто. Когда собачий лай разбудил меня впервые, это показалось даже забавным – мало ли что может присниться человеку! Но через сутки всё повторилось, и потом стало повторяться снова и снова. Я посоветовал парню принимать что-нибудь успокоительное, он вроде бы попробовал какие-то пилюли, но их ненадолго хватило. Через некоторое время он уже не только лаял, но ещё и жалобно подвывал. При этом никаких проблем со здоровьем Кнедличек не испытывал, настроение у него всегда было хорошее, и аппетит отменный. Я же из-за постоянного недосыпа был на грани срыва. Пришлось поговорить с командиром, и мы со стажёром разошлись. Теперь каждый спит в своё время.

Мой нынешний напарник Моралес – полная противоположность весёлому и общительному Кнедличку. Серьёзный и молчаливый. Не поймёшь, что у него на уме. Тот ещё фрукт. Впрочем, недостаток эмоций и отсутствие чувства юмора – нормальное состояние для существа третьего пола. Зато работник превосходный. Или превосходная. Или превосходное. Так поднаторело, что пульта даже не касается – направляет аммиачные снаряды в цель одним взглядом. Или силой мысли. Нам, обычным мэйлам и фимэйлам, такая виртуозность не под силу. Мы уж как-нибудь пальцем по дисплею. Или двумя пальцами.

Скучновато с ним. О себе ничего не рассказывает, на вопросы отвечает односложно, музыку не любит и даже в еде неразборчив или неразборчиво. Пихает в себя всё подряд: рыбные консервы с шоколадным кремом, яблочный штрудель с тушёнкой. Кефиром запивает. И на лице – отсутствующее выражение. Можно было бы принять его за андроида, но их производство прекратили ещё в прошлом веке.

На пульте загорается красная лампочка: приближается очередной караван. Последний в эту смену. Сейчас быстренько разгрузим его, и можно отдыхать.

Касаюсь дисплея, выстраиваю корабли в одну линию. Моралес напрягается и выпучивает зенки. Ледяные снаряды, сверкая на солнце, летят в атмосферу и взрываются в верхних слоях. Красота! Второй год я на станции, а всё не перестаю восхищаться. А Моралесу всё равно. Ни радость, ни тоска ему неведомы.

– Как дела, мальчики? – это командир Шульц вошла.

– Нормально, кэп! – отвечает «мальчик» Моралес. – Приняли двадцать один караван по сорок судов, количество снарядов пятнадцать тысяч семьсот пятьдесят четыре штуки, три челнока были недоукомплектованы, один – повреждён метеоритом и завис на орбите.

– Чёрт знает что такое! – возмущается Шульц. – Что за бардак у них там на Юпитере? Ну ладно, отправляйте повреждённый корабль в верхние слои от греха подальше и свободны.

– Не надо уничтожать корабль, кэп! – возражает Моралес. – Пробоина небольшая, можно подлететь и заварить. Давайте я сделаю!

– Нет, твоя смена кончилась, – не соглашается Шульц. – Нельзя нарушать трудовой распорядок. Отправлю стажёра, пусть набирается опыта.

Моралес уступает кресло Шульц. Появляется Кнедличек, как всегда в прекрасном расположении духа.

– Как спалось, дружище?

– Отлично! – улыбается во всю ширину рта. – Снилось Старе Место, ратуша, часы, Карлов мост. Пивечко пльзеньске.

– Ну, хорошего дня!

Я удаляюсь, не дожидаясь, пока стажёр получит приказ о выходе в открытый космос. Вряд ли он ожидал такого сюрприза. Ничего, пусть привыкает.

После смены пора подкрепиться, принять душ и дать указания резервному телу.

ЗАПАСНОЙ

Каждый день, просыпаясь, я знаю, чем должен заняться сегодня. Тот, кто посылает мне программу действий, сейчас находится далеко в космосе. Выполняет тяжёлую и опасную работу. Каждому, кто несёт такую службу, по контракту положено резервное тело. Вдруг что-нибудь случится. Риск велик, поэтому для страховки космонавта клонируют.

Быть в резерве совсем неплохо. В мои обязанности входит наслаждаться жизнью на Земле и развлекаться на всю катушку, пока основное тело трудится на венерианской орбите. Вся информация, которой владеет старшее тело, скопирована и постепенно перенесена в мой мозг. Так что учиться ничему не надо, только отдыхать и развлекаться. Ежедневно мы со старшим телом обмениваемся через коннектор мыслями и чувствами. Если, конечно, нет помех на линии связи. У нас как бы один разум на двоих. Это не значит, что у меня здесь, на Земле, нет свободы действий, просто старшее тело слегка направляет меня. Оно опытнее, поэтому лучше знает, чем заняться. Никаких конфликтов не возникает, в сущности, мы – одно целое. Я передаю ему свои эмоции, и оно отдыхает и радуется жизни вместе со мной.

На Земле сейчас столько развлечений, что хватит на двоих с избытком. Рассказывают, что не так давно это была унылая грязная планета с плохой атмосферой и ужасным климатом. С трудом в это верится. Теперь, когда все вредные производства перенесены в лунные пещеры и марсианские пустыни, наша родная Земля превратилась в превосходную спортивную площадку и курорт.

Сегодня мне предлагается покататься на горных лыжах. Что ж, возражений нет. Приятное и полезное времяпрепровождение.

КРУЧЕК

Ночь. Прохлада. Дрожащий свет. Копать, копать! Сырая земля. Пролезть в нору! Бежать, бежать! Прочь от чужих людей!

Площадь. Бульжник. Сухие листья. Следы. Много следов. Нет, здесь – нет. Запах реки. Мост. Следы. И здесь нет. Надо вернуться домой, может быть, хозяин уже там. Узкая улочка. Запах кошки. Фу! Клумба. Вонючие цветы. Тёмное окно. Запертая дверь. Нет! Брошен, оставлен! Луна. Страх. Тоска. У-у-у-у!!! Ву-у-у!!!

Что это? Тепло в голове. Прикосновение. Он здесь, рядом! Хозяин! Я чувствую тебя! Но где ты? Почему я тебя не вижу? Позволь лизнуть твою руку! Я спокоен, спокоен! Пойдём гулять? Да, да, конечно, пойдём гулять! Ау!

ОСНОВНОЙ

Здорово покатались! Как же хорошо иметь на Земле своего двойника, на двадцать лет моложе, сильного, ловкого, не обременённого заботами. Такой релакс получил, настроения хватит теперь на несколько скучных смен. Пусть малыш побудет в горах ещё недельку, тем более что завязывается дружба с Катенькой. Милейшее существо! Коннект настроен идеально, спасибо инженерам.

Моралес, как всегда, спокоен и равнодушен. Не знаю, есть ли у него копия на Земле. Похоже, она ему и не нужна. Никакого интереса к жизни, чистая математика. Не дай бог такие «моралесы» станут преобладать в будущем, а ведь всё к тому идёт. Люди скоро совсем перестанут размножаться по старинке. Клонироваться и переносить информацию в новое тело гораздо удобнее. Вот уже и третий пол каким-то образом появился. Никто не понимает, как это произошло, научного объяснения нет. Согласно одной из гипотез бесполое потомки появляются, если оба родителя – клоны в третьем поколении, но серьёзных исследований проведено не было. Бесспорно, у Моралеса и IQ гораздо выше, чем у мэйлов с фимэйлами, и быстрота реакции, и профессионализм. Только зачем всё это, если ничто его в жизни не радует? Ведь он же всё-таки человек! Может быть, лучше применять таких ребят в передовых отрядах для освоения Вселенной, а на Земле всё оставить как раньше? Пусть люди смеются, плачут, влюбляются, разочаровываются, пишут стихи и музыку, сажают цветы? Ведь должен быть в нашем существовании какой-то смысл!

Ну вот, задумался и прозевал челнок. Хорошо, напарник подхватил его взглядом и направил в нужную точку. Посмотрел на меня укоризненно, мол, ты что, чувак, будь внимательнее! Всё-таки какие-то эмоции есть и у третьего пола.

ШУЛЬЦ

Это моя последняя командировка перед заслуженной пенсией. Двойственное чувство: с одной стороны, хочется наконец отдохнуть, заняться семьёй. Дочка выросла без матери, подрастают два внука. Лённые кудряшки, голубые доверчивые глазёнки, пухлые щёчки. Уютный домик, сад, розы, колбаски на гриле, имбирные пряники на Рождество. Как всего этого не хватает! С другой стороны – любимая работа. Бесконечное пространство, которое надо осваивать. Скоро здесь, на Венере, мы разгоним все облака, парниковый эффект прекратится, и на благодатной, удобренной солями аммония почве появятся первые растения. К сожалению, это произойдёт уже без моего участия.

Хотя, что это я? Почему нет? Моё резервное тело на Земле! Моя копия, которую я почти не использовала! Она в хранилище, в анабиозе, юная, полная сил. Я передам ей весь свой жизненный опыт, все знания. Она заменит меня здесь, в космосе, и всё продолжится! А моё старое тело полетит доживать свой век на Землю. Меня, то есть её, клонируют ещё раз, как всех космонавтов. И конца нам не будет.

ЗАПАСНОЙ

Катенька – чудо что такое! Отчаянная, настоящий чёртёнок! Что она вытворяет на своём сноуборде! Только снежная пыль летит! А какие глазищи! А волосы! Грудь тоже хороша. И бедра. И вообще. Короче, я пропал. Мой двойник на орбите теперь работать не сможет. Надо бы договориться и временно отключить коннект.

Вот уже неделя как мы знакомы с Катенькой. Такое событие стоит отметить. Приглашаю девушку в ресторан, лучший на этом курорте. Покупаю букет красных роз, самый дорогой. Жалованье космонавта позволяет шикануть.

Ресторан в форме призмы, похожий на гигантский кристалл, прилепившись к скале, переливается всеми цветами радуги. Поднимаемся по винтовой лестнице и заходим внутрь призмы. Под ногами – невидимый пол, внизу – пропасть с замёрзшим водопадом. Катенька уверенно проходит над пропастью к нашему столику. Открытые плечи, струящийся шёлк вечернего платья, тонкий аромат духов «Эдельвейс». Всё как в наивном старом кино. Сейчас принесут шампанское.

Мы пьём за нашу встречу. Развеселившись, несём всякую чушь. За прозрачной стеной над пропастью выделяет кульбиты запущенный каким-то шутником дрон – клоун. Врезается раскрашенной физиономией в стену, лицо искажает уморительная гримаса. Мы с Катенькой хохочем и не можем остановиться. Продолжение вечера обещает быть грандиозным.

Подлетает наш заказ – блюдо с крылышками, полное всяческих деликатесов. Накладываем себе полные тарелки. Катенька аккуратно накалывает на вилку янтарный ломтик форели и направляет в рот. Нежные губки расплываются в улыбке.

– Попробуй, как вкусно!

Я таю вместе с форелью. Смешно, глупо, но как же прекрасно!

Вдруг Катенька как-то неестественно замирает, закатывает глаза и падает без чувств на прозрачный пол. Что это? Я бросаюсь к ней.

– Милая, что с тобой?!

Она неподвижна. К нам сбегаются люди. Кто-то машет салфеткой, брызгает в лицо Катеньке водой.

– Вызовите скорую!

Врачи появляются быстро, Катеньку забирают из моих рук, кладут на каталку.

– Ничего страшного, – пощупав её пульс, говорит мне пожилой доктор. – Это резервное тело, я таких сразу определяю. Видимо, основной, так сказать, организм, решил её отключить по каким-то причинам. Увозите!

Каталка с Катенькой уезжает. Подол платья волочится по прозрачному полу.

– Не волнуйтесь, с ней всё будет хорошо. Отправим в хранилище на консервацию, а там как уж владельца решит. Ничего, дело житейское!

Доктор подмигивает мне и, похлопав дружески по плечу, удаляется вслед за каталкой. Я остаюсь над ледяным водопадом с кучей недоеденных вкусностей. Но есть совсем не хочется. Хочется плакать.

СТАЖЁР

Это мой первый выход в открытый космос. Были, конечно, тренировки на стендах, но всё-таки это совсем не то. Понимаю, что страховка надёжная, но всё равно как-то не по себе. Нельзя подавать виду, что мне страшно. Улыбаться! В конце концов, у меня же есть новое тело на Земле, если что... Начну жить заново. Холка модроока, не сидавей у потока... (Чешская песенка. Прим. Автора). Ну, пошёл!

Ничего страшного. Вот он, повреждённый челнок. Вот она, пробоина. Только бы не выронить сварочный аппарат. Держать крепче. Господи, ну почему меня так крутит? Надо принять вертикальное положение. Головой вверх. Где тут верх, где низ? Где дом мой!..

– Кнедличек, соберись! – это капитан. – Не дёргайся, плавнее!

Легко ей говорить! Кручек будет тосковать без меня...

ОСНОВНОЙ

Кажется, что-то случилось! Выглядываю в коридор. Командир стучится в каюту Моралеса, а тот, судя по всему, не слышит, наверное, в душе. Нет, вышел. Вышло.

– Помогите, пожалуйста! – Шульц старается выглядеть невозмутимой, но видно, как она побледнела. И губы дрожат. – Он ещё и лазер включил, сейчас всех нас на куски порежет!

Все вместе бежим в пункт управления. Стажёр со включенным аппаратом кувыркается возле пробитого челнока. Как тот клоун в горах. Лазерный луч рисует замысловатые фигуры на чёрном полотне космоса. И смех и грех!

Моралес одним взмахом ресниц приводит бедолагу в нормальное положение.

– Порядок? – спрашивает капитан у Кнедличка.

– Всё нормально! – весело отвечает тот. – Не сориентировался вначале.

Стажёр ловко заваривает метеоритную дыру и как ни в чём не бывало возвращается на станцию. Доволен «боевым крещением». Похоже, он даже не понял, что это Моралес его выручил. Мы с капитаном облегчённо вздыхаем. Моралес равнодушен как всегда. Хотя какое-то подобие презрительной усмешки я замечаю.

МОРАЛЕС

До чего же убогая команда! Несовершенство этих людей поражает. Без использования электромагнитных приборов ничего не могут. Собственную энергию расходуют нерационально. Общение со своими резервными телами считают великим достоинством. Мне бы не составило труда управлять группой синхронисток или целой футбольной командой, и никакой коннект не понадобился бы. К сожалению, по закону нельзя иметь больше одной копии. Недоразвитым особям вроде моих коллег вообще бы не следовало их иметь. Если командир Шульц ещё проявляет некоторые задатки здравомыслящего человека, то эти двое – совершенные ничтожества. Иметь половую принадлежность – огромный недостаток. Эти рудименты должны отмереть полностью. По-моему, они просто мешают. Случайно увидел одного из них в душе. Где гармония, где пропорциональность, где золотое сечение? Надеюсь, природа вскоре исправит свои ошибки.

ОСНОВНОЙ

Отдых в горах испорчен. Паршивое настроение передалось от двойника мне и, кажется, при перемещении даже усилилось. Не знаю, что делать с моим клоном дальше. Может быть, тоже отправить на время в анабиоз, пока не натворил чего-нибудь похуже? Правильно делает Шульц, экономит силы и эмоции своей копии. Чисто немецкая практичность.

На Орбите Юпитера – ЧП. Очередной караван попал под метеоритный дождь, пришлось вернуть уцелевшие челноки на базу для ремонта и профилактики. Так что у нас вынужденные выходные. Это надолго. Крутимся вокруг Венеры, разглядываем в просветы облаков рельеф. Вершины гор, покрытые сверкающими шапками из кристаллов аммония и впадины, где в будущем появятся моря. От нечего делать смотрим кино. Ещё играем всей командой в настольные игры. Моралес постоянно побеждает. Даже противно, до чего умный. Умное. Грешным делом

подглядел за ним в душе. Никаких намёков на определённые органы, даже сосков нет. Плоское и спереди и сзади, гладко обтёсанное, как Буратино.

С Кнедличком снова приходится спать в одно время. Лает, гад! Не выдержал, потребовал объяснений. Всё, оказывается, просто. У парня это первая экспедиция, понятно, что клон его ещё находится во младенческом возрасте и не готов для полноценного коннекта. А отдохнуть и развлечься юноше хочется, что вполне естественно. Поэтому в нарушение всех инструкций хитрый Кнедличек установил ментальную связь со своим псом Кручком и по ночам гуляет с ним по родной Праге. Мозг собаки не столь сложен, управлять им можно даже во время сна. На днях собаку приютила какая-то сердобольная девица, так что Кнедличку стало ещё веселее.

– Только не говорите командиру, пожалуйста! – просит стажёр, доверчиво глядя мне в глаза.

Не скажу. Пусть лает.

ЧАСТЬ 2

ЗАПАСНОЙ

Старший отправляет меня на Большой Барьерный риф. Чтобы я занялся дайвингом, успокоился и перестал думать о Катеньке. Поездка дорогая. «Ни в чём себе не отказывай!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.